

Европейская литература XIV-XVIII вв.

НОВОЕ ВРЕМЯ: ГЕРМАНИЯ

Фридрих
Шиллер

КОВАРСТВО
И ЛЮБОВЬ

Annotation

Кульминацией раннего творчества Шиллера является его третья пьеса "Коварство и любовь" (1783), первоначально названная "Луиза Миллер". Автор четко обозначил ее жанр - бюргерская трагедия, что по-русски часто переводят - мещанская трагедия. Пьеса о трагической судьбе молодых людей - аристократа и простой девушки, полюбивших друг друга, стала, по словам Энгельса, "первой немецкой политической тенденциозной драмой".

- [Шиллер Фридрих](#)
  - [АКТ ПЕРВЫЙ](#)
    - [СЦЕНА ПЕРВАЯ](#)
    - [СЦЕНА ВТОРАЯ](#)
    - [СЦЕНА ТРЕТЬЯ](#)
    - [СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [СЦЕНА ПЯТАЯ](#)
    - [СЦЕНА ШЕСТАЯ](#)
    - [СЦЕНА СЕДЬМАЯ](#)
  - [АКТ ВТОРОЙ](#)
    - [СЦЕНА ПЕРВАЯ](#)
    - [СЦЕНА ВТОРАЯ](#)
    - [СЦЕНА ТРЕТЬЯ](#)
    - [СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [СЦЕНА ПЯТАЯ](#)
    - [СЦЕНА ШЕСТАЯ](#)
    - [СЦЕНА СЕДЬМАЯ](#)
  - [АКТ ТРЕТИЙ](#)
    - [СЦЕНА ПЕРВАЯ](#)
    - [СЦЕНА ВТОРАЯ](#)
    - [СЦЕНА ТРЕТЬЯ](#)
    - [СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
    - [СЦЕНА ПЯТАЯ](#)
    - [СЦЕНА ШЕСТАЯ](#)

- АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ
    - СЦЕНА ПЕРВАЯ
    - СЦЕНА ВТОРАЯ
    - СЦЕНА ТРЕТЬЯ
    - СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ
    - СЦЕНА ПЯТАЯ
    - СЦЕНА ШЕСТАЯ
    - СЦЕНА СЕДЬМАЯ
    - СЦЕНА ВОСЬМАЯ
    - СЦЕНА ДЕВЯТАЯ
  - АКТ ПЯТЫЙ
    - СЦЕНА ПЕРВАЯ
    - СЦЕНА ВТОРАЯ
    - СЦЕНА ТРЕТЬЯ
    - СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ
    - СЦЕНА ПЯТАЯ
    - СЦЕНА ШЕСТАЯ
    - СЦЕНА СЕДЬМАЯ
    - СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ
    - ПРИМЕЧАНИЯ
-

Шиллер Фридрих

Коварство и любовь

Мещанская трагедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Президент фон Вальтер при дворе немецкого герцога,
Фердинанд, его сын, майор.

Гофмаршал фон Кальб.

Леди Мильфорд, фаворитка герцога.

Вурм, личный секретарь президента.

Миллер, учитель музыки.

Его жена.

Луиза, его дочь.

Софи, камеристка леди.

Камердинер герцога.

Разные второстепенные лица.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната в доме музыканта.

Миллер встает с кресла и отставляет виолончель.

За столом сидит жена Миллера, еще в капоте, и пьет кофе.

Миллер (быстро ходит по комнате). Довольно! Это уже не шутки. Скоро весь город заговорит о моей дочери и о бароне. Моему дому грозит бесчестье. Дойдет до президента и... Одним словом, больше я этого дворянчика сюда не пускаю.

Жена. Ты же не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему свою дочку.

Миллер. Я не заманивал его к себе в дом, не навязывал ему девчонки, но кто станет в это вникать?.. Я у себя в доме хозяин. Мне надо было как следует пробрать дочку. Мне надо было хорошенько намылить шею майору, а не то сей же час все выложить его превосходительству — папеньке. Могу сказать заранее: молодой барон получит нагоняй — и дело с концом, а все беды посыплются на скрипача.

Жена (прихлебывая кофе). Вздор! Пустяки! Что с тобой может приключиться? Кто тебе может навредить? Ты занят своей музыкой да, где только можешь, ловишь учеников.

Миллер. Нет, ты мне скажи, что из всего этого выйдет?.. Жениться на девчонке он не женится, — о женитьбе тут не может быть и речи, а стать какой-то, прости господи... это уж извините!.. Где только эти барчуки не таскаются, черт знает чем только не лакомятся! Так что же удивительного, что эдакого сладкоежку вдруг потянуло на свеженький огурчик? Сторожи не сторожи, хоть во все щелочки за ним подглядывай, за каждым его шагом следи, — все равно наблудит он у тебя под носом, испортит девчонку — и был таков. А девчонке вовек сраму не избыть! О замужестве тогда уж и не мечтай, а то еще, глядишь, приохотится и так по этой дорожке и пойдет. (Ударяет себя кулаком по лбу.) Боже мой! Боже мой!

Жена. Сохрани нас, господи, и помилуй!

Миллер. Сами должны себя сохранять. Чего еще можно ждать от такого повесы? Девчонка красивая, статная, ножки у нее стройные. На чердаке у нее может быть все, что угодно, — на этот счет с женского пола спрос не велик, только бы вас господь первым этажом не обидел. Стоит такому волоките высмотреть ножки — готово — дело! У него выиграло ретивое, как все равно у Роднея, когда тот зачует французов, — и пошел очертя голову, и пошел! И... и я его не виню. Все мы люди, все человеки. По себе знаю.

Жена. Ты бы посмотрел, какие распрекрасные записки пишет твоей дочке его милость! Господи боже мой, да тут всякий поймет, что только ее чистая душа ему и нужна!

Миллер. Как бы не так! На языке одно, а на уме другое. Кто на тело заглядывается, тот всегда о душе толкует. Сам-то я как поступал? Чуть только спелись сердца — глядь, и тела туда же за ними, — челядь берет пример с господ! И выходит на поверку, что месяц серебристый — всего-навсего сводник.

Жена. Ты бы поглядел, какие роскошные книжки господин майор посылает к нам в дом. Твоя дочь-то молится по этим книгам.

Миллер (свистит). Как же, молится! Много ты понимаешь! Простую, натуральную пищу нежный желудок его милости не переваривает. Сначала господин майор должен отдать ее на выварку искусным поварам той адской, чумной кухни, что зовется изящной словесностью. В печку всю эту пакость! Девчонка наберется бог знает чего, разного невероятного вздора, кровь у нее забурлит, как от шпанской мушки, — и прощайте тогда крупницы христианской веры, которую отец и так уж с грехом пополам в ней поддерживал! В печку, тебе говорят! Девчонка забивает себе голову всякой чертовщиной, уносится мыслью в тридесятые государства и в конце концов потеряет, позабудет дорогу в родные палестины, устыдится, что ее отец — скрипач Миллер, и отвадит хорошего, почтенного зятя, который как раз пришелся бы мне ко двору... Ну уж нет, накажи меня бог! (Вскакивает; в сердцах.) Скорей, пока не поздно! А майору... да, да, майору... поворот от ворот. (Направляется к выходу.)

Жена. С ним надо быть повежливее, Миллер. Мы немало нажились на одних только его подарочках!..

Миллер (возвращается и останавливается перед ней). Это что же, плата за честь моей дочери?.. Убирайся ты к черту, мерзкая сводня!..

Лучше я возьму скрипку и пойду по миру, буду играть за тарелку супу, лучше я разобью свою виолончель и набью ее навозом, но только ни за что не притронусь к деньгам, ради которых единственное мое дитя пожертвовало своею душою и вечным спасением. Откажись от проклятого кофе и от нюхательного табаку, — вот тебе и не нужно будет торговать красотой твоей дочери. Я жрал до отвала и носил тонкие сорочки еще до того, как этот отпетый негодяй повадился ко мне в дом.

Жена. До чего же ты невоздержан на язык! Закусишь удила — и уж себя не помнишь! Я вот о чем толкую: ни с того ни с сего взять да и прогнать господина майора? Нет, так не годится, — ведь он не кто-нибудь, а сын президента.

Миллер. Тут-то собака и зарыта. Вот потому-то, именно потому мы и должны нынче же с этим покончить. Если президент — хороший отец, он еще будет мне благодарен. Почисти-ка мой красный бархатный кафтан, — пойду попрошу его превосходительство, чтобы он меня принял. Я скажу его превосходительству: "Сыну вашей милости приглянулась моя дочь. Моя дочь недостойна быть женой сына вашей милости, но взять мою дочь в полюбовницы это для сына вашей милости слишком большая роскошь. Вот вам и все! Меня зовут Миллер".

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же и секретарь Вурм.

Жена Миллера. А, с добрым утром, господин секретарь! Наконец-то вы опять оказали нам честь!

Вурм. Полно, полно, голубушка! Где постоянно бывает знатный кавалер, там моя мещанская честь ровно ничего не стоит.

Жена Миллера. Будет вам, господин секретарь! Его высокородию господину майору фон Вальтеру и впрямь нет-нет да и припадет охота нас осчастливить, но мы-то ведь каждому рады.

Миллер (с досадой). Жена, подай господину секретарю кресло! Милости просим, сударь!

Вурм (кладет шляпу, палку и садится). Ну ладно, ладно! А как поживает моя будущая супру... или, вернее; моя бывшая невес... ведь я уже не смею надеяться... Можно видеть... мамзель Луизу?

Жена Миллера. Спасибо за внимание, господин секретарь. Должна вам сказать, что дочка моя ничуть не спесива...

Миллер (с досадой толкает ее локтем). Жена!

Жена Миллера. Да вот беда: не придется ей нынче с вами повидаться, господин секретарь. Она сейчас у обедни.

Вурм. Это хорошо, это хорошо. Я хочу, чтоб жена у меня была набожная, богобоязненная.

Жена Миллера (с величественно-глупой улыбкой). Оно конечно, господин секретарь, да только...

Миллер (явно смущен; дергая ее за ухо). Жена!

Жена Миллера. Ежели, господин секретарь, мы можем еще чем-либо вам услужить, то это мы с нашим удовольствием...

Вурм (прищурившись). Еще чем-либо? Покорно благодарю! Покорно благодарю! Гм! Гм! Гм!

Жена Миллера. Вы, господин секретарь, сами должны чувствовать...

Миллер (со злостью толкает ее в спину). Жена!

Жена Миллера. Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше! Кто же это станет мешать единственной дочке, когда ей счастье

привалило? (С гордостью простолюдинки.) Вы меня хорошо поняли, господин секретарь?

Вурм (беспокойно ерзает в кресле, чешет за ухом, поправляет манжеты и жабо). Понял? Не совсем... То есть да... Что, собственно, вы хотели этим сказать?

Жена Миллера. Так вот... так вот... я все-таки думаю... я смекаю... (кашляет) раз уж господу так угодно, чтоб дочка моя была знатной дамой...

Вурм (вскакивает со стула). Что такое? Что вы сказали?

Миллер. Сидите, сидите, господин секретарь! Моя жена — дура набитая. Куда моей дочке до знатной дамы? Вот язык-то без костей!

Жена Миллера. Можешь ворчать, сколько тебе угодно, а я что знаю, то знаю, и что господин майор сказал, то он сказал.

Миллер (в бешенстве бросается к виолончели). Заткнешь ты плотку или нет? Хочешь, чтобы я тебя виолончелью по башке треснул? Что ты можешь знать? Что такое он мог сказать? Не обращайтесь внимания на эти рассказы, сударь!.. А ты — марш на кухню!.. Ведь вы же меня не считаете за дурака, не считаете, что и я стою на том, чтобы моя дочь рубила дерево не по плечу? Не правда ли, господин секретарь?

Вурм. Было бы странно, если б вы ко мне вдруг переменялись, господин музыкант. Вы всегда казались мне хозяином своего слова, и я полагал, что мой брак с вашей дочерью — это уже решено и подписано. Должность, которую я занимаю, вполне может прокормить человека расчетливого. А президент ко мне благоволит; если мне понадобится рекомендация, чтоб получить повышение, то мне ее дадут. Как видите, намерения у меня по отношению к мамзель Луизе самые серьезные, но вас, быть может, сбил с толку какой-нибудь дворянчик, у которого ветер в голове...

Жена Миллера. Легче, легче, милостивый государь...

Миллер. Говорят тебе, заткни плотку!.. Будьте спокойны, сударь, все остается по-старому. Что я ответил вам осенью, то повторяю и сейчас. Я свою дочь не неволю. Подходите вы ей — с богом, пусть постарается быть с вами счастлива. Если же она скажет "нет" — тем лучше... то есть я хотел сказать, на все воля божья. По случаю отказа распейте с ее отцом бутылочку, только и всего... Жить с вами ей — не мне. Какое я имею право только из упрямства насильно выдавать свою

дочь за человека, который ей не нравится? Чтобы потом нечистый до конца дней моих гонялся за мной по пятам? Чтобы за каждым стаканом вина, за каждой тарелкой супа я потом твердил себе: "Подлец! Родное дитя погубил"?

Жена Миллера. Одним словом, я на это никак не согласна: моей дочери подавай что-нибудь повыше... Ну а если мой муж позволит обвести себя вокруг пальца, то я прямо в суд.

Миллер. Я тебе руки и ноги переломая, трещотка окаянная!

Вурм (Миллеру). Совет отца может иметь большое влияние на дочь, а ведь вы, господин Миллер, кажется, достаточно хорошо меня знаете?

Миллер. Черт возьми! Надо, чтобы она вас знала! Что я, старый хрыч, в вас замечаю, то для молодой лакомки вовсе не приманка. Я вам по пальцам разберу, годитесь вы для оркестра или нет, но женское сердце — это не капельмейстера ума дело. Я неотесанный, простодушный немец, и я вам, сударь, скажу напрямик: за мой совет вы бы меня в конце концов не поблагодарили. Я моей дочери еще ни за кого не советовал выходить, но за вас, господин секретарь, я ей отсоветую!.. Дайте мне договорить... За жениха, который обращается за помощью к отцу, я, извините, не дал бы и ломаного гроша. Если он чего-нибудь стоит, то он постыдится таким старомодным способом открывать ей свои совершенства. Если же у него не хватает духа, значит, он трус, и такие девушки, как Луиза, не про него писаны... Э, да что там, он должен высватать себе девушку за спиной у ее отца... Он должен так ей полюбиться, что она скорей папеньку с маменькой к черту пошлет, а уж его из рук не выпустит или же сама бросится отцу в ноги и станет Христом-богом молить либо умертвить ее лютой смертью, либо соединить их сердца. Это, я понимаю, парень! Это называется — любовь! А кто с женским полом обходиться не умеет, тот садись верхом на гусиное перо — и до свиданья!

Вурм (хватает шляпу, палку и бросается к выходу). Очень вам признателен, господин Миллер!

Миллер (медленно идет за ним). За что же? За что? Мы вас и не попотчевали, господин секретарь! (Возвращается.) Ничего не слышит, бежит без оглядки. Для меня эта чернильная душа хуже всякой отравы, хуже яда. У него такая мерзкая, такая поганая харя, что кажется, будто он и на свет-то божий проник благодаря плутням какого-нибудь

контрабандиста. Глазки вороватые, мышинные, волосы огненно-рыжие, подбородок так вылез вперед, словно природа с досады на свою неудачную работу схватила мошенника именно за это место и постаралась зашвырнуть как можно дальше... Нет, чем толкать дочь в объятия такого проходимца, пусть лучше она у меня, с позволения сказать...

Жена Миллера (плюет; со злостью). Собака!.. Разевай не разевай свою пасть, все равно ни при чем останешься.

Миллер. И ты тоже с этим окаянным барчуком! До белого каления меня сейчас довела. Когда ты из кожи вон лезешь, чтобы сойти за умную, тут-то ты как раз глупее всего и бываешь. Ну к чему вся эта болтовня о знатной даме и о твоей дочери? Да еще при этой протобести! Ему только намекни — завтра же об этом будут судачить на всех колодцах. Такие-то господа и шныряют по чужим домам, заглянут и в кухню и в погреб, и чуть у кого сорвется с языка лишнее слово — бац! об этом уже знают и герцог, и фаворитка, и президент, а тебе беды не обернуться.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же и Луиза Миллер с книгой в руке.

Луиза (кладет книгу, подходит к Миллеру и пожимает ему руку).
С добрым утром, папенька!

Миллер (ласково). Умница, Луиза! Меня радует, что ты так усердно молишься богу. Будь всегда такой, и господь тебя не оставит.

Луиза. Ах, отец, я великая грешница!.. Мама, он не приходил?

Жена Миллера. Кто, дочка?

Луиза. Да, я и забыла, что, кроме него, еще есть на свете люди! Я стала такая рассеянная... Так Вальтер у нас не был?

Миллер (печально и строго). Я думал, моя Луиза оставила это имя там, в церкви.

Луиза (пристально посмотрев на него). Я понимаю вас, отец, чувствую, как вы вонзаете нож в мою совесть, но уже поздно... Прежнего благочестия нет во мне больше, отец. Небо и Фердинанд раздирают на части мое израненное сердце, и я боюсь... боюсь... (После некоторого молчания.) Нет, нет, папа! Когда мы, любуясь картиной, забываем о художнике, то для него это лучшая похвала. Когда от восторга перед совершеннейшим творением создателя я перестаю думать о нем самом, то разве это не приятно богу, отец?

Миллер (в негодовании опускается в кресло). Дожили! Вот они, плоды безбожных книжек!

Луиза (в беспокойстве подходит к окну). Где-то он теперь? Знатные барышни, те видят, слышат его. А я — простая, покинутая девушка. (Пугается собственных слов и бросается к отцу.) Нет, нет, простите меня! Я на судьбу не ропщу, я ничего не хочу, только... только думать о нем... А это такое скромное желание! Моя короткая земная жизнь... Как бы я была счастлива, если бы она излетела из моих уст и легким, ласкающим ветерком освежила ему лицо! Цвет моей младости... Будь то фиалка и он бы на нее наступил, — как покорно умерла бы она под его стопой!.. Больше мне ничего не надо, отец! Если мошка хочет, чтобы солнечный луч согрел ее, то станет ли ее за это наказывать гордое, царственное солнце?

Миллер (растроганный, откидывается на спинку кресла и закрывает лицо руками). Послушай, Луиза: весь жалкий остаток дней моих я отдал бы за то, чтобы ты никогда не видала майора.

Луиза (испуганно). Что такое? Что вы говорите?.. Не то вы, верно, хотели сказать, милый папенька! Вы не знаете, что Фердинанд — мой, что он создан для меня, что он послан мне на радость отцом всех любящих. (Задумчиво.) Когда я увидела его впервые... (оживившись) я вся вспыхнула, кровь заиграла веселее, и биение каждой жилки говорило мне, каждый мой вздох шептал мне: "Это он!.." И сердце мое, узнав вечно желанного, согласилось: "Это он!" И как же дружно повторил за ним эти слова весь мир, радовавшийся вместе со мной! Тогда... о, тогда в моей душе настало утро! Множество юных чувств распустилось у меня в сердце, подобно тому как весной из земли вырастают цветы. Я не замечала окружающего мира, и все же я припоминаю, что никогда еще не был он так прекрасен. Я совсем не думала о боге, и все же никогда еще так не любила его.

Миллер (бросается к ней и прижимает к своей груди). Луиза, милое, любимое дитя мое! Возьми мою старую, дряхлую голову... все возьми... все!.. Но... бог свидетель... майора... я тебе дать не властен. (Уходит.)

Луиза. Здесь он мне и не нужен, отец! Эту частицу времени, крохотную, будто капля росы... да ее с жадностью поглотит самая мечта о Фердинанде! В этой жизни я на него не посягаю. Но потом, мама, потом, когда перегородки земных различий рухнут, когда с нас спадет ненавистная шелуха сословий и люди станут только людьми... я из этого мира не принесу с собой ничего, кроме моей невинности. Но ведь отец говорил много раз, что, когда придет господь, драгоценности и пышные титулы подешевеют, а сердца вздорожают. Тогда я буду богата, мама! Там слезы зачтутся за подвиги, а благие помыслы за славных предков. Тогда я стану знатной, мама! Чем же он тогда будет выше своей любимой?

Жена Миллера (вскочив). Луиза! Майор! Вон он, перескочил через ограду. Куда бы мне деться?

Луиза (дрожа). Оставайтесь, мама!

Жена Миллера. Господи! На что я похожа! Мне совестно. Я не могу в таком виде показаться его милости. (Уходит.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фердинанд фон Вальтер, Луиза. Фердинанд подбегает к ней; Луиза, побледнев, в изнеможении опускается в кресло; Фердинанд останавливается перед ней.

Некоторое время они молча смотрят друг на друга.

Пауза.

Фердинанд. Как ты бледна, Луиза!

Луиза (бросается к нему в объятия). Ничего! Ничего! Ты со мной. Все прошло.

Фердинанд (подносит ее руку к губам). Моя Луиза все еще меня любит? Мое сердце — такое же, как и вчера, а твое? Я лечу к тебе, хочу посмотреть, весела ли ты, и уйти от тебя повеселевшим, а ты грустишь.

Луиза. Да нет же, нет, мой любимый!

Фердинанд. Говори правду. Ты грустишь. Я вижу насквозь твою душу, как вот этот чистой воды брильянт. (Показывает на свое кольцо.) На нем не может появиться ни одного пузырька, которого бы я не заметил, ни одна мысль не мелькнет в твоих глазах, которую бы я не уловил. Что с тобой? Признайся! Когда это зеркало ничем не замутнено, то весь мир для меня безоблачен. Что тебя печалит?

Луиза (некоторое время смотрит на него молча и многозначительно; с грустью). Фердинанд! Фердинанд! Если бы ты знал, какой прекрасной кажется в твоём изображении бедная девушка, простая мешанка!

Фердинанд. Что ты сказала? (В изумлении.) Девочка моя! Послушай! Как могло это прийти тебе в голову? Ты — моя Луиза. Кто тебе внушил, что этого недостаточно? Вот видишь, неверная, как ты ко мне холодна! Если б ты вся была охвачена любовью, стала бы ты думать о различиях? Когда я с тобой, рассудок мой весь уходит в зрение; когда же я вдали от тебя, он переплавляется в мечту о тебе. А ты и в любви способна сохранять благоразумие? Стыдись! Мгновенья,

которые ты провела в тоске, — это мгновенья, похищенные у твоего любимого.

Луиза (берет его за руку и качает головой}. Ты хочешь усыпить меня, Фердинанд, хочешь отвлечь мое внимание от той пропасти, куда я непременно сорвусь. А я смотрю вперед. Голос славы, твои замыслы, твой отец, мое ничтожество... (Охваченная страхом, выпускает его руку.) Фердинанд! Меч занесен над тобой и надо мной! Нас хотят разлучить!

Фердинанд. Хотят разлучить? (Вскакивает.) Откуда у тебя эти мрачные мысли? Хотят разлучить? Но кто же в силах разорвать союз двух сердец или разъединить звуки единого аккорда?.. Я дворянин? Подумай, что старше — мои дворянские грамоты или же мировая гармония? Что важнее — мой герб или предначертание небес во взоре моей Луизы: "Эта женщина рождена для этого мужчины"? Я сын президента? Тем лучше! Что еще, кроме моей любви, способно искупить те проклятия, которые падут на мою голову из-за того, что мой отец грабит страну?

Луиза. Ах, твой отец!.. Как я боюсь его!

Фердинанд. А я ничего не боюсь... ничего. Боюсь только, что ты меня разлюбишь. Пусть между нами вырастут целые горы — для меня это лишь ступени, по которым я взлечу к моей Луизе. Бури, насылаемые на нас враждебным роком, еще сильнее раздуют пламень чувств моих, опасности придадут моей Луизе еще большую прелесть... Отринь же страх, моя любимая! Я сам, сам буду тебя стеречь, как дракон стережет подземное золото! Доверься мне! Я буду твоим ангелом-хранителем. Я заслоню тебя от ударов судьбы, приму за тебя какую хочешь муку, капли не пролью из кубка радости — все до одной принесу тебе в чаше любви. (Нежно обнимает ее.) Опираясь на эту руку, моя Луиза сможет легкой стопою пройти по дороге жизни. Когда же ты снова попадешь на небо, оно с изумлением признает, что ты стала еще прекраснее, чем была тогда, когда оно отпускало тебя на землю, и что душа достигает полной зрелости только в любви.

Луиза (в сильном волнении вырывается из его объятий). Довольно! Прошу тебя, молчи!.. Если б ты знал!.. Оставь меня... Ты не чувствуешь, как твои мечты фуриями терзают мне сердце. (Хочет уйти.)

Фердинанд (удерживает ее). Луиза! Что ты? О чем? Что с тобой творится?

Луиза. Я перестала на это надеяться — и была счастлива... Но теперь, теперь, с этого дня... мне уже не знать покоя... Я чувствую: дикие страсти закипят в груди моей... Ступай... Да простит тебя господь!.. Ты зажег пожар в моем юном, безмятежном сердце, и уже ничто, ничто его не потушит. (Убегает.)

Фердинанд молча следует за ней.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Зал в доме президента.

Входят президент, с орденским крестом на шее, со звездой на груди, и секретарь Вурм.

Президент. Глубокая привязанность! Мой сын?.. Нет, Вурм, никогда я этому не поверю.

Вурм. Сделайте милость, ваше превосходительство, позвольте мне представить доказательства.

Президент. Что он ухаживает за этой ничтожной мещанкой, говорит ей приятные вещи, может быть, даже толкует с ней про любовь — все это я допускаю, все это простительно, но... Так вы говорите, она дочь музыканта?

Вурм. Дочь учителя музыки Миллера.

Президент. И хорошенькая?.. Впрочем, это само собой разумеется.

Вурм (живо). Прелестная блондинка. Смело можно сказать, что она не уступит первым придворным красавицам.

Президент (со смехом). Ах, вот оно что, Вурм! Сколько я понимаю, вы тоже на нее заглядываетесь? Но, видите ли, милейший Вурм, то обстоятельство, что сын мой — дамский угодник, дает мне надежду, что и дамы будут к нему благосклонны. Он сможет многого добиться при дворе. Вы говорите, что девушка хорошенькая? Мне приятно, что у моего сына есть вкус. Он морочит голову этой дурочке, будто у него серьезные намерения? Тем лучше, — значит, он достаточно находчив и врет ей с три короба. Пожалуй, будет еще президентом. И ко всему имеет успех? Отлично. Это явный знак, что он удачлив. Кончится этот фарс появлением на свет здорового внука? Чудесно! Я выпью лишнюю бутылку малаги за свежий побег на моем родословном древе и уплачу штраф за обольщение девицы.

Вурм. Я одного боюсь, ваше превосходительство: как бы вам не пришлось пить эту бутылку только для того, чтобы забыться!

Президент (строго). Вам известно, Вурм, что, раз поверив, я уже не разуверюсь и гнев мой предела не знает. Я охотно оберну в шутку

ваше желание определенным образом меня настроить. Что вам не терпится убрать с дороги соперника, это мне ясно. Затмить моего сына в глазах девчки вам не удастся, и вы хотите воспользоваться отцом, как хлопнушкой для мух, — это мне тоже понятно; а что у вас такие поразительные способности к плутовству — это меня даже приводит в восторг. Но только, милейший Вурм, я вам не советую дурачить заодно и меня, советую вам помнить, что со мной шутки плохи.

Вурм. Прошу прощения, ваше превосходительство. Если б даже и в самом деле, как вы подозреваете, здесь была замешана ревность, то ее можно было бы уловить в выражении моего лица, но, уж во всяком случае, не в речах.

Президент. По-моему, лучше бы ее не было вовсе. Чудак! Не все ли вам равно, попадет к вам монета прямо с монетного двора или же от банкира? Берите пример с местного дворянства: умышленно или неумышленно, но только у нас редко когда заключается брачный договор без того, чтобы, по крайней мере, полдюжины гостей, а то и слуг, предварительно не измерили геометрическим способом тот рай, что уготован жениху.

Вурм (кланяется). В этом случае я предпочел бы остаться мещанином.

Президент. К тому же в ближайшее время вы будете иметь удовольствие наилучшим образом отплатить своему сопернику за обиду. Как раз теперь кабинет вынес решение, что леди Мильфорд в связи с появлением новой герцогини должна для отвода глаз получить отставку и, чтобы уже не было никаких подозрений, выйти замуж. Вы знаете, Вурм, насколько занимаемое мною положение зависит от влияния леди и сколь мощную пружину моего успеха составляет уменье потворствовать прихотям герцога. Его высочество подыскивает партию для леди Мильфорд. Ему может подвернуться кто-нибудь другой, и этот другой пойдет на сделку и вместе с дамой сердца приобретет доверие герцога, станет необходимым для него человеком. Так вот, для того чтобы герцог продолжал оставаться в сетях у моей семьи, Фердинанд и должен жениться на леди Мильфорд. Вам это ясно?

Вурм. Как божий день. Во всяком случае, ваша милость доказывает этим, что президент в вас куда сильнее, чем отец! Если

майор окажется таким же послушным сыном, как вы — нежным отцом, то ваши намерения могут встретить сопротивление.

Президент. К счастью, я еще ни разу не усомнился в осуществимости плана, на котором я счел возможным начертать: _быть по сему!.._ Видите, Вурм, вот мы и вернулись к исходному пункту. Я еще до обеда объявлю моему сыну о том, что ему предстоит обручиться. По выражению его лица я сразу пойму, оправдываются ваши подозрения или же их следует решительно отмести.

Вурм. Прошу меня извинить, ваша милость. Вид у вашего сына будет, несомненно, расстроенный, но отсюда еще не следует, что расстроится он из-за того, что вы у него отнимаете невесту, а не из-за того, какую именно невесту вы подыскали ему взамен. Не угодно ли вам будет прибегнуть к более сильному испытанию? Предложите ему самую безупречную партию во всем государстве, и вот если он согласится, тогда приговорите вашего секретаря Вурма к трем годам каторжных работ.

Президент (кусая губы). Черт возьми!

Вурм. Да, да, уверяю вас. Ее мать, ходячая глупость, в простоте душевной выболтала достаточно.

Президент (ходит взад и вперед, чтобы успокоиться). Хорошо! Сегодня же утром.

Вурм. Только прошу вас не забыть, ваше превосходительство, что майор сын вашей милости...

Президент. Его не тронут, Вурм.

Вурм...и что моя услуга, состоящая в том, что я помог вам избавиться от нежеланной невестки...

Президент. Требуется и с моей стороны услуги помочь вам жениться?.. С удовольствием, Вурм!

Вурм (довольный, кланяется). Вечный раб вашей милости! (Хочет уйти.)

Президент. Но то, что я вам сейчас доверил, Вурм... (угрожающе) если вы проговоритесь...

Вурм (со смехом). То ваше превосходительство докажет, что я подделывал подписи. (Уходит.)

Президент. Ты у меня в руках! Я держу тебя на твоём же собственном мошенничестве, как жука на нитке.

Камердинер (входит). Гофмаршал фон Кальб!
Президент. Как нельзя более кстати!.. Очень рад!

Камердинер уходит.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Гофмаршал фон Кальб в богатом, но безвкусном придворном костюме, с камергерским ключом, двумя часами и шпагой, в руке — chapeau bas {Шляпа с низкой тульей (франц.).} подстрижен а la herisson {Ежиком (франц.)}, взвизгивая, подлетает к президенту и распространяет по всему партеру запах мускуса.

Президент.

Гофмаршал (обнимая его). С добрым утром, мой драгоценнейший! Как отдыхали? Как почивали? Простите, что я так поздно имею удовольствие... Неотложные дела... выбор меню... визитные карточки... составление компаний для сегодняшней прогулки в санях... Ух!.. А тут еще надо было присутствовать при lever {Одевании знатной особы (франц.)} и доложить его высочеству о погоде.

Президент. Да, конечно, маршал, вам невозможно было отлучиться.

Гофмаршал. В довершение всего меня надул шельма портной.

Президент. И вы все успели?

Гофмаршал. Это еще что! Сегодня у меня беда за бедой. Вы только послушайте!

Президент (рассеянно). Да неужели?

Гофмаршал. Вы только послушайте! Едва я вышел из кареты, как лошади чего-то испугались, начали брыкаться, потом взвились на дыбы и снизу доверху забрызгали грязью мои, с позволенья сказать, панталоны. Что тут делать? Войдите, ради бога, в мое положение, барон. Я стою на улице. Уже поздно. Ехать назад, предстать в таком виде перед его высочеством — боже правый!.. Что же я придумал? Я притворился, что мне дурно. Меня скорей на руки и прямо в карету. Мчусь во весь дух домой... переодеваюсь... еду обратно... Каково?.. И в приемной я все-таки первый... Как вам это понравится?

Президент. Великолепный образец человеческой находчивости... Но оставим это, Кальб... Итак, вы уже говорили с герцогом?

Гофмаршал (торжественно). Двадцать минут тридцать секунд.

Президент. Да что вы! Значит, у вас, бесспорно, есть для меня какие-нибудь важные новости?

Гофмаршал (после некоторого молчания, с серьезным лицом). Его высочество сегодня в касторовом камзоле цвета гусиного помета.

Президент. Вы подумайте!.. Нет, маршал, я могу вам сообщить нечто более любопытное... Вы, вероятно, еще не знаете, что леди Мильфорд выходит замуж за майора Вальтера?

Гофмаршал. Да что вы говорите?.. И это уже решено?

Президент. Решено и подписано, маршал... И я вам буду очень обязан, если вы прямо отсюда отправитесь к леди, предупредите ее, что к ней собирается с визитом Фердинанд, и оповестите о его намерении весь город.

Гофмаршал (в восторге). О, с величайшей радостью, мой драгоценнейший! Это для меня такое наслаждение! Лечу, лечу! (Обнимает его.) Будьте здоровы... Через три четверти часа об этом будет знать вся столица. (Выпархивает из комнаты.)

Президент (смеется ему вслед). А еще говорят, что такие существа решительно ни на что не годны!.. Ну, уж теперь Фердинанду придется дать согласие, иначе выйдет, что лжет весь город! (Звонит.)

Входит Вурм.

Позовите ко мне моего сына.

Вурм уходит, президент в задумчивости рассказывает по залу.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Фердинанд, президент. Вурм появляется и сейчас же уходит.

Фердинанд. Вы приказали, батюшка...

Президент. К сожалению, чтобы иметь удовольствие видеть сына, я всякий раз вынужден теперь приказывать... Оставьте нас, Вурм!.. Фердинанд, я с некоторых пор наблюдаю за тобой и не нахожу больше того юношеского чистосердечия и порывистости, которые мне так нравились в тебе прежде. На твоём лице застыло выражение какой-то необычной грусти... Ты избегаешь меня, избегаешь общества... Нехорошо!.. Человеку твоих лет скорее можно простить десять кутежей, чем один-единственный приступ хандры. Озабоченное выражение более пристало мне, дорогой мой! Предоставь мне побеспокоиться о твоём счастье, а сам старайся только содействовать успеху моего предприятия... Подойди, обними меня, Фердинанд!

Фердинанд. Вы сегодня очень милостивы, отец.

Президент. Только сегодня? Ах ты, разбойник! Да еще говоришь мне это с такой кислой миной! (Торжественно.) Фердинанд! Ради кого я избрал опасный путь, чтобы войти в доверие к его высочеству? Ради кого я расторг союз со своей совестью и с небом?.. Послушай, Фердинанд... Я говорю со своим сыном... Кому я освободил место, убрав моего предшественника? Этот поступок тем глубже вонзается в мое сердце, чем старательнее прячу я нож от людей. Ответь же мне, Фердинанд, ради кого я пошел на все это?

Фердинанд (в ужасе отступает). Но ведь не ради меня, отец? Ведь не на меня падает кровавый отсвет этого злодеяния? Боже всемогущий! Лучше совсем не родиться на свет, чем служить предлогом для этого преступления!

Президент. Что? Что такое? Ох уж эти мне романтические бредни!.. Фердинанд, я постараюсь говорить с тобой спокойно, дерзкий мальчишка... Так-то ты платишь мне за бессонные ночи? Так-то ты платишь мне за всечасные заботы? Так-то ты платишь мне

за то, что меня вечно жалит скорпион совести? Бремя ответственности падает на меня. Проклятие, божья кара — все падает на меня. Ты получаешь счастье из вторых рук. Преступление не оставляет кровавых пятен на наследстве.

Фердинанд (воздевает правую руку к небу). От такого наследства, которое будет только напоминать мне о моем ужасном отце, я торжественно отрекаюсь.

Президент. Послушай, юнец, не выводи меня из себя! Если б я рассуждал так же, ты бы весь свой век ползал во прахе.

Фердинанд. Ах, отец, насколько же это было бы лучше, чем ползать у трона!

Президент (сдерживаясь). Гм!.. Ты не понимаешь своего счастья. Куда другие как ни стараются, а все не могут взобраться, ты вознесся шутя, словно во сне. В двенадцать лет ты уже прапорщик. В двадцать — майор. Я добился этого у герцога. Ты снимешь мундир и поступишь в министерство. Герцог обещает тебе чин тайного советника... службу в посольстве... необыкновенные милости. Перед тобой открываются прекрасные виды на будущее! Сначала ровная дорога к трону, а потом и на самый трон, если только имеет смысл менять самую власть на ее внешние признаки. Неужели это тебя не вдохновляет?

Фердинанд. Нет, потому что мои понятия о величии и о счастье заметно отличаются от ваших... Вы достигаете благополучия почти всегда ценою гибели другого. Зависть, страх, ненависть — вот те мрачные зеркала, в которых посрамляется величие властителя... Слезы, проклятия, отчаяние — вот та чудовищная трапеза, которой услаждают себя эти прославленные счастливицы. И не успеет у них пройти хмель, как они, шатаясь, уже отходят в вечность, к престолу всевышнего. Нет, мой идеал счастья скромнее: он заключен во мне самом. В моем собственном сердце — вот где таятся все мои желания.

Президент. Прекрасно ты говоришь! Лучше нельзя! Превосходно! После тридцатилетнего перерыва я снова слушаю первую лекцию! Жаль только, что моя пятидесятилетняя голова стала худо воспринимать! Впрочем... чтобы твой редкостный дар не оставался втуне, я намерен дать тебе спутницу жизни, вот, пожалуйста, ей и забивай голову всем этим высокопарным вздором. Ты должен сегодня же... решиться... решиться на брак.

Фердинанд (в изумлении отступает). Отец!

Президент. Не благодари меня... Я послал от твоего имени визитную карточку леди Мильфорд. Будь любезен, сейчас же отправляйся к ней и сделай ей официальное предложение.

Фердинанд. Как, отец, той самой Мильфорд?

Президент. Надеюсь, ты знаешь ее...

Фердинанд (теряя самообладание). Есть ли в нашем городе хоть один позорный столб, который бы о ней не знал? Однако, батюшка, в какое же я попал смешное положение: я шутку вашу принял всерьез! Да разве вы пожелаете быть отцом негодяя сына, который берет себе в жены высокопоставленную распутницу?

Президент. А что ж тут такого? Я бы и сам к ней посватался, если б только она пошла за пятидесятилетнего. Ты-то разве не пожелал бы при таких обстоятельствах быть сыном негодяя отца?

Фердинанд. Нет! Клянусь богом!

Президент. Это, конечно, дерзость, но я ее тебе прощаю — за оригинальность.

Фердинанд. Прошу вас, отец, прекратить этот разговор, иначе я не в силах буду называть себя вашим сыном.

Президент. Ты взбесился, мальчишка? Какой благоразумный человек не жаждал бы обладать преимуществом — бывать у кого-нибудь по очереди с главой государства?

Фердинанд. Вы становитесь для меня загадкой, отец. Вы называете преимуществом — преимуществом! — быть соучастником государя в таком грязном деле, на какое никто из простых смертных не пойдет.

Президент хохочет.

Смейтесь, отец... Хорошо, мы не будем вовсе этого касаться. Но как я посмотрю в глаза последнему ремесленнику, который, по крайней мере, получает в приданое за женой ее тело на правах единственного обладателя? Как я буду смотреть людям в глаза? В глаза герцогу? Самой герцогской наложнице, которая желает отмыть пятно на своей чести в моем позоре?

Президент. Где ты всего этого нахватался, мальчишка?

Фердинанд. Заклинаю вас небом и землею, отец. Унизив единственного сына, вы сделаете его несчастным, но сами счастливее от этого не станете. Я жизни своей не пожалею, если только это послужит вашему возвышению. Своею жизнью я обязан вам, и я не задумываясь принесу ее, всю без остатка, в жертву вашему величию. Но моя честь, отец... раз вы у меня ее отнимаете, значит, легкомыслием и подлостью было с вашей стороны давать мне жизнь, и я вынужден проклясть своего отца как сводника.

Президент (дружески хлопал его по плечу). Bravo, мой милый сын! Теперь я вижу, что ты честный малый, ты достоин лучшей женщины во всем нашем герцогстве!.. И она будет твоей. Сегодня же днем ты обручишься с графиней фон Остгейм.

Фердинанд (снова поражен). Что же это за день выдался мне, он сразит меня окончательно!

Президент (смотрит на него испытующе). Уж этот-то выбор, надо надеяться, не задевает твоей чести?

Фердинанд. Нет, отец! Всякого другого Фредерика фон Остгейм могла бы осчастливить. (В крайнем замешательстве, про себя.) Что не тронула в моем сердце его злоба, то разрывает в клочья его доброта.

Президент (все еще глядя на него в упор). Я жду от тебя благодарности, Фердинанд...

Фердинанд (бросается к нему и с жаром целует руку). Отец, ваше благодеяние трогает меня до глубины души... Отец, я чрезвычайно вам благодарен за ваше доброе намерение... выбор ваш безупречен... но... к моему большому сожалению... я не могу... я не вправе... я не могу любить графиню!

Президент. Ого! Сейчас видно желторотого птенца! Попался-таки в ловушку, хитрый лицемер! Значит, дело не в чести, будто бы не позволяющей тебе жениться на леди Мильфорд? Значит, дело не в личности, а ты против женитьбы вообще?

Фердинанд стоит как вкопанный, затем вздрагивает и порывается бежать.

Куда? Стой! Вот оно, твое сыновнее почтение!

Майор возвращается.

Леди поставлена о тебе в известность. Герцогу я дал слово. Город и двор осведомлены обо всем. И если из-за тебя, мальчишка, я окажусь лжецом перед герцогом... перед леди Мильфорд... перед двором... перед всем городом... Слушай, мальчишка... если мне станут известны некоторые похождения... Ого! Постой! Что это ты стал так бледен с лица?

Фердинанд (белый как снег, весь дрожа). Что? Разве? Пустое, отец!

Президент (устремляя на него ужасный взгляд). Если это неспроста... если я нападу на след и дознаюсь, чем вызвана твоя строптивость... тогда берегись, мальчишка! Уже одно подозрение приводит меня в ярость. Иди сию же минуту! Сейчас начинается вахтпарад. Ты явишься к леди, как только будет вручен пароль... Передо мной трепещет все герцогство. Посмотрим, возьмет ли надо мною верх своевольный сын. (Направляется к выходу и снова возвращается.) В последний раз говорю тебе, мальчишка: ступай туда, не то бойся моего гнева! (Уходит.)

Фердинанд (выйдя из тягостного оцепенения). Он ушел? Ужели то был голос отца?.. Да, я пойду к ней... пойду туда... Я расскажу ей такие вещи, я поставлю перед ней такое зеркало... Гнусная тварь! Если ты и тогда потребуешь моей руки, то перед лицом всего дворянства, войска и народа, хотя бы ты была защищена всей гордыней твоей Англии, я, немецкий юноша, тебя отвергну! (Быстро уходит.)

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зал во дворце леди Мильфорд; направо софа, налево рояль. Леди, с еще не завитыми волосами, в прелестном свободном неглиже, сидит за роялем и импровизирует. Софи, камеристка, отходит от окна.

Софи. Офицеры расходятся. Вахтпарад окончился, а Вальтера не видно.

Леди (в сильном беспокойстве встает и проходит по залу). Не знаю, что со мной сегодня, Софи... Никогда еще со мной этого не было... Так ты его не видела?.. Ну да, конечно... Ему спешить нечего... У меня такая тяжесть на сердце, как будто я совершила преступление... Поди, Софи, скажи, чтобы мне оседлали самого бешеного скакуна, какой только есть в конюшне. Я хочу на простор, хочу видеть людей и голубое небо; от быстрой езды мне станет легче.

Софи. Если вам скучно, миледи, позовите к себе гостей. Позовите герцога обедать, а не то так велите поставить перед вашей софой карточные столы. Будь к моим услугам герцог и весь двор, стала бы я хандрить!

Леди (бросается на софу). Ах, нет, уволь! Если ты возьмешься ограждать меня от посетителей, я готова дарить тебе по брильянту за каждый час. Для чего мне вся эта публика? Для декорации?.. Когда у меня срывается невзначай теплое, искреннее слово, эти жалкие, дрянные людишки таращат глаза и разевают рты, как будто перед ними привидение. Такими марионетками мне легче управлять, чем вязальными спицами. Что мне делать с этими людьми, если все их душевные движения так же размеренны, как ход часовой стрелки? Что за интерес спрашивать их о чем-нибудь, раз я знаю заранее, что они мне ответят? Что за интерес обмениваться с ними впечатлениями, раз у них не хватает смелости иметь свое мнение?.. Нет, вон их, вон! Противно ездить на лошади, которая не кусает даже своих удил. (Подходит к окну.)

Софи. Но ведь герцога-то вы к ним не причисляете, леди? Это самый красивый мужчина, самый страстный любовник и самый

остроумный человек во всей его стране.

Леди (отходит от окна). То-то и дело, что в его стране... Только его герцогское звание, Софи, и может служить слабым оправданием моему выбору. Ты говоришь, мне завидуют. Бедная я! Жалеть меня надо, а не завидовать. Из всех, кто кормится от щедрот властелина, самая печальная судьба постигает его фаворитку, потому что ей одной видно все убожество великого и богатого человека. Правда, ему стоит обратиться к талисману своего величия — и все, что моей душе угодно, вырастет из-под земли, словно волшебный замок. Он раскладывает передо мной сокровища обеих Индий, создает рай в пустыне, заставляет родники своей страны горделивыми дугами взлетать к небу и разбрызгивает в фейерверках кровь и пот своих подданных. Но может ли он приказать своему сердцу — в лад другому сердцу, могучему, пылкому, — биться так же могуче и пылко? Способна ли одряхлевшая его душа хоть на один высокий порыв? Чувственных наслаждений у меня довольно, а между тем я испытываю сердечный голод. На что мне столько упоительных ощущений, которые лишь охлаждают жар в моей крови?

Софи (смотрит на нее с удивлением). Ведь я же к вам давно поступила, миледи?

Леди. И только сейчас узнала меня?.. Твоя правда, милая Софи... Я продала герцогу свою честь, но сердце мое осталось свободным, и, может быть, дорогая, оно еще найдет себе кого-нибудь более достойного, — тлетворный воздух двора коснулся его лишь так, как дыхание касается зеркала. Можешь мне поверить, моя милая, что я давно бы уже отказалась от этого презренного герцога, если бы только самолюбие позволило мне уступить место какой-нибудь придворной даме.

Софи. И ваше сердце так легко подчинилось самолюбию?

Леди (живо). А ты думаешь, мое сердце не мстило за себя?.. И теперь не мстит?.. Софи! (Положив ей руку на плечо, торжественно.) У нас, женщин, выбор один: властвовать — или покоряться. Но даже упоение самой неограниченной властью — это только жалкое самоутешение, если мы лишены наивысшего счастья — быть рабыней любимого человека.

Софи. Вот уж это, миледи, я от вас никак не ожидала услышать!

Леди. Но отчего же, Софи? Разве по тому, как по-детски держим мы скипетр, не видно, что наш удел ходить на помочах? Разве ты не заметила, что мои причуды и прихоти, все мои дикие забавы лишь заглушают в моей груди еще более дикие страсти?

Софи (пораженная, отступает). Леди!

Леди (с еще большей живостью). Утоли их! Приведи мне человека, о котором я сейчас думаю... которого я боготворю... Я должна завладеть им, Софи, или умереть. (С нежностью.) Дай мне услышать из его уст, что слезы любви, сверкающие в моих глазах, прекраснее, чем брильянты, вплетенные в мои волосы... (страстно) и я брошу к ногам герцога и его сердце, и все его герцогство! Брошу и убегу с этим человеком на край света...

Софи (смотрит на нее испуганно). Господи! Да что же это? Что с вами, миледи?

Леди (в замешательстве). Отчего ты побледнела? Разве я сказала что-нибудь лишнее?.. Пусть же моя доверчивость наложит на твои уста печать молчания... Сейчас ты узнаешь еще больше... узнаешь все...

Софи (пугливо озираясь). Я боюсь, миледи... боюсь... что буду знать слишком много.

Леди. Брак с майором... Ты и весь свет воображаете, что это придворная интрига... Софи!.. Не красней... не испытывай за меня стыда... Это затеяла... моя любовь!

Софи. Я так и думала! Клянусь богом!

Леди. Их нетрудно было убедить, Софи: слабовольного герцога, придворного хитреца Вальтера, глупого гофмаршала... Каждый из них готов поклясться, что этот брак — верное средство сохранить меня для герцога и упрочить нашу с ним связь. О нет! Это — средство навеки ее разорвать, навеки разбить позорные эти цепи! Обманутые лжецы, которых перехитрила слабая женщина! Вы сами приводите ко мне теперь моего возлюбленного. Этого я и хотела. Как только он будет мой... как только он будет мой... о, тогда прощай навек все это гнусное великолепие!..

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же и старый камердинер герцога приносит шкатулку с драгоценностями.

Камердинер. Его высочество герцог кланяется вашей милости, миледи, и посылает вам к свадьбе вот эти брильянты. Он только что получил их из Венеции.

Леди (открывает шкатулку и в испуге отшатывается). Послушай, сколько же герцог заплатил за эти камни?

Камердинер (мрачно). Они не стоили ему ни гроша!

Леди. Что? Ты с ума сошел! Ничего не стоили?.. Что же ты (отступая на шаг), что же ты смотришь таким взглядом, будто хочешь меня пронзить? Эти безумно дорогие камни ничего не стоят?

Камердинер. Вчера семь тысяч сынов нашей родины отправлены в Америку, вот они-то и платят за все.

Леди (резким движением отодвигает шкатулку и быстрым шагом приближается к камердинеру; после небольшого молчания). Послушай, что с тобой? Ты, кажется, плачешь?

Камердинер (утирает слезы; весь дрожа, душераздирающим голосом). Сами-то они дороже всех брильянтов на свете... Там было и двое моих сыновей.

Леди (содрогнувшись, отворачивается и схватывает его за руку). Но ведь не насильно же их?

Камердинер (с горьким смехом). Какое там насильно! Нет, все сплошь добровольцы! Правда, когда их выстроили во фронт, нашлись ребята посмелее, вышли из рядов и спросили у полковника, сколько герцог берет за пару таких, как они. Но все милостивейший наш государь отдал приказ всем полкам выстроиться на плацу и расстрелять крикунов. Мы слышали залп, видели, как брызнул на мостовую мозг, а затем все войско крикнуло: "Ура! В Америку!"

Леди (в ужасе падает на софу). Боже мой! Боже мой! И я ничего об этом не слышала! Ничего не знала!

Камердинер. Да, ваша милость... Вольно же вам было уехать с государем на медвежью охоту как раз тогда, когда был подан сигнал к

выступлению! Вам непременно надо было остаться ради этого величественного зрелища. А дело было так: слышали мы грохот барабанов и сейчас догадались, что их отправляют, и сироты с воем кинулись за отцом, обезумевшая мать бежит и бросает на штыки грудного младенца, там жениха при помощи сабель разлучают с невестой, а мы, седовласые старцы, стояли тут же и под конец все, как один, побросали с отчаяния свои костыли вслед нашим ребятам, прямо в Новый Свет... А дабы всеведущий не услышал наших молений, все время неумолчно трещали барабаны...

Леди (глубоко взволнованная, встает). Прочь эти брильянты! Они бросают в мое сердце отблеск адского пламени. (Камердинеру, мягко.) Не горюй, бедный старик! Они вернуться. Они снова увидят свою родину.

Камердинер (горячо и проникновенно). Бог все знает!.. Они ее увидят!.. Уже у городских ворот они обернулись и крикнули: "Храни вас господь, жены и дети! Да здравствует наш государь-отец! Мы свидимся на Страшном суде!.."

Леди (быстро ходит по комнате). Возмутительно! Чудовищно!.. А меня еще убеждали, что я осушила все слезы отечества. Глаза у меня открылись, и я в ужасе, в ужасе смотрю... Ступай... скажи своему господину... Нет, я поблагодарю его лично!

Камердинер хочет идти; леди бросает ему в шляпу свой кошелек.

Это тебе за то, что ты рассказал мне правду.

Камердинер (с презрением бросает кошелек на стол). Присоедините и это к вашим богатствам. (Уходит.)

Леди (с изумлением смотрит ему вслед). Софи, догони его, спроси, как его зовут! Надо вернуть его сыновей!

Софи убегает. Леди в задумчивости ходит взад и вперед.

Молчание.

(Обращаясь к вернувшейся Софи.) Правда ли, я слышала, что сгорел целый пограничный город и около четырехсот семей пошли по миру? (Звонит.)

Софи. Как это вы вспомнили? В самом деле, так оно и было, и теперь большинство несчастных погорельцев пошли в кабалу к своим кредиторам или же мрут в герцогских серебряных рудниках.

Слуга (входит). Что прикажете, миледи?

Леди (отдает ему брильянты). Немедленно отнеси это в банк! Я приказываю сию же минуту обратить эти ценности в деньги и полученную сумму разделить между четырьмястами жителей, пострадавших от пожара.

Софи. Миледи! Что вы делаете? Ведь это может навлечь на вас самое суровую опалу.

Леди (гордо). Что же, я должна носить в волосах проклятие его страны? (Делает знак слуге, тот уходит.) Или ты хочешь, чтоб я пала под тяжестью слез, из которых сделан этот ужасный убор? Опомнись, Софи! Пусть лучше в волосах у меня будут фальшивые брильянты, а в душе — сознание, что я поступила по совести.

Софи. Но ведь какие же брильянты! У вас есть похуже, отдали бы те! Нет, право, миледи, это с вашей стороны непростительно.

Леди. Глупая девчонка! Зато настанет миг, когда на мою долю выпадет столько брильянтов и жемчужин, сколько их не наберется в диадемах у десяти королей, и они будут прекраснее...

Слуга (возвращается). Майор фон Вальтер.

Софи (бросается к леди). Ах, боже мой! Вы побледнели...

Леди. В первый раз, Софи... я испытываю страх перед мужчиной... Эдуард! Скажи, что мне нездоровится... Постой!.. Он в духе? Смеется? Что он говорит? Софи, ведь правда, я сегодня ужасно выпляжу?

Софи. Ничуть не бывало, леди...

Слуга. Прикажете отказать?

Леди (запинаясь). Нет, милости прошу.

Слуга уходит.

Софи! Что мне ему сказать? Как мне его встретить? У меня язык не повернется... Он будет смеяться над моей слабостью... Он... У меня дурное предчувствие... Ты уходишь, Софи?.. Останься!.. Нет, лучше уходи!.. Да останься же!

Через вестибюль проходит майор.

Софи. Успокойтесь, миледи! Вон он идет!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Те же и Фердинанд фон Вальтер.

Фердинанд (с легким поклоном). Я вам не помешал, милостивая государыня?..

Леди (не в силах побороть волнение). Я ничем более важным не занята, господин майор.

Фердинанд. Я явился по приказанию моего отца...

Леди. Я ему очень признательна.

Фердинанд...чтобы поставить вас в известность, что я на вас женюсь. Такова воля моего отца.

Леди (бледнеет и дрожит). Но не вашего сердца?

Фердинанд. Министры и сводники не имеют обыкновения об этом спрашивать.

Леди (запинаясь от волнения). А вы сами ничего не хотите к этому прибавить?

Фердинанд (показывая глазами на Софи). Очень много, миледи!

Леди (делает знак Софи, та удаляется). Не угодно ли вам присесть на софу?

Фердинанд. Я буду краток, миледи.

Леди. Итак?

Фердинанд. Я человек чести...

Леди. Я умею это ценить.

Фердинанд. Дворянин...

Леди. Первый в герцогстве.

Фердинанд. И офицер...

Леди (заискивающе). Это все такие преимущества, которые есть и у других. Почему же вы умалчиваете о более важных, которыми обладаете только вы?

Фердинанд (холодно). Здесь они мне не нужны.

Леди (с возрастающим беспокойством). Как я должна понять это" предисловие?

Фердинанд (медленно, отчеканивая каждое слово). Как мятеж чести — в том случае, если вам будет угодно женить меня на себе.

Леди (вспыхнув). Что это значит, господин майор?

Фердинанд (спокойно). Это голос моего сердца, моего герба и вот этой шпаги.

Леди. Эту шпагу вам дал герцог.

Фердинанд. Мне ее дало государство через посредство герцога, сердце у меня от бога, моему гербу лет около пятисот.

Леди. Имя герцога...

Фердинанд (запальчиво). Но разве герцог властен нарушать человеческие законы и, как монеты, чеканить поступки? Над честью даже и он не способен возвыситься, он может только заткнуть ей рот золотом. Он может прикрыть свой позор горностаевой мантией. Прошу вас, миледи, об этом больше ни слова... Сейчас речь идет не об отвергнутых замыслах и не о предках, не об этом темляке, не о мнении света. Я готов через все это переступить, но только докажите мне, что награда не будет еще тяжелее жертвы.

Леди (расстроенная, отходит от него). Я этого не заслужила, господин майор.

Фердинанд (берет ее за руку). Простите! Мы с вами говорим без свидетелей. То обстоятельство, которое нас свело сегодня, — и никогда уже больше не сведет, — дает мне право, более того: принуждает меня не скрывать от вас моих тайных чувств. Я, миледи, отказываюсь вас понимать: вы красивы, умны, вас мог бы полюбить кто угодно, и вы решились отдаться герцогу, который видит в вас только женщину. И вам не стыдно самой предлагать себя в жены?

Леди (смотрит на него широко раскрытыми глазами), Говорите все!

Фердинанд. Вы называете себя британкой. Простите, я не могу поверить, что вы британка. Свободная дочь самого свободного народа во всем подлунном мире, народа, который до того горд, что не курит фимиама даже добродетели чужестранцев, ни за что не станет ублажать их порок... Нет, вы, наверное, не британка... Или уж сердце у этой британки настолько же мелко, насколько благородна и отважна та кровь, что течет в жилах истинных дочерей Британии.

Леди. Вы кончили?

Фердинанд. Мне могут возразить, что это — женское тщеславие, страсть, темперамент, жажда наслаждений... Мы знаем примеры, когда добродетель оказывалась сильнее чести, мы знаем случаи, когда

те, что выступали на этой позорной арене, в конце концов благородными поступками вновь возвышали себя во мнении общества и облагораживали свое презренное ремесло тем, что ставили перед собой прекрасную цель. Но откуда же этот невыносимый гнет у нас в стране, какого никогда не было прежде?.. У вас была одна цель; владеть герцогством. Я кончил.

Леди (мягко, но с достоинством). Со мной никто еще так не говорил, Вальтер. Вы единственный человек, которому я отвечаю на такие речи... Вы отказываетесь от моей руки, — я вас за это уважаю. Вы черните мою душу, — я вам это прощаю. Но я не верю, что вы действительно так думаете. Кто смеет так оскорблять женщину, которой довольно одной ночи, чтобы навсегда погубить его, тот должен быть уверен, что эта женщина необычайно великодушна, или же это безумец... Всю ответственность за разорение страны вы переложили на меня, — да простит вам это всемогущий бог, который когда-нибудь поставит на очную ставку вас, меня и герцога. Но вы задели во мне англичанку, и вот в подобного рода обвинениях я должна оправдаться перед моим отечеством.

Фердинанд (опершись на шпагу). Я весь внимание.

Леди. Сейчас вы услышите от меня то, чего до вас я никому не поверяла и что впредь никому поверять не собираюсь... Я, Вальтер, не та, за кого вы меня принимаете, — я не искательница приключений. Я могла бы перед вами похвастать своим происхождением; во мне течет королевская кровь... Я веду свой род от несчастного герцога Томаса Норфолька, отдавшего жизнь за Марию Шотландскую. Мой отец, старший королевский камерарий, был обвинен в измене отечеству в пользу Франции и решением парламента осужден и обезглавлен. Все наше достояние отошло в казну. Мы были изгнаны из пределов страны. Моя мать умерла в день казни отца. Я, четырнадцатилетняя девочка, бежала в Германию, и взяла я с собою няню, шкатулку с драгоценностями и вот этот фамильный крест, который моя мать, в последний раз благословив меня перед смертью, повесила мне на шею,

Фердинанд, погруженный в раздумье, уже не так сурово смотрит на леди.

(Все сильнее волнуюсь.) Больная, безвестная, беспомощная, без всяких средств, чужестранка, сирота — вот при каких обстоятельствах очутилась я в Гамбурге. Меня ничему не учили, я умела разве только говорить по-французски, немножко вязать, немножко играть на рояле, зато привыкла есть на золоте и серебре, спать под атласными одеялами, привыкла к тому, чтобы по одному моему знаку десятки слуг бросались исполнять мое приказание, привыкла к лести знатных поклонников. Я бедствовала шесть лет. Последняя брильянтовая булавка была продана, няня моя умерла, и вот тогда-то судьба и привела вашего герцога в Гамбург. Как-то раз я гуляла по берегу Эльбы и, плядя на воду, начала было размышлять о том, что глубже; река или мои страдания?.. Герцог меня увидел, стал меня преследовать, разыскал мое жилище, пал к моим ногам и поклялся, что любит меня. (Сильное волнение заставляет леди умолкнуть; когда же она снова начинает говорить, голос у нее дрожит от слез.) Передо мною одна за другой вновь открылись во всей их пленительной яркости картины моего счастливого детства. Мое безотрадное будущее представлялось мне темным, как могила... Сердце мое жаждало другого сердца... и я склонилась к нему на грудь, (Отбегает от Фердинанда.) Теперь судите меня!

Фердинанд (глубоко взволнованный, бежит за ней и останавливает ее). Леди! О боже! Что я слышу? Что я наделал! С ужасом смотрю я теперь на свое преступление. Вы уже не сможете меня простить.

Леди (овладев собой, снова приближается к нему). Слушайте дальше. Герцог воспользовался моей молодостью и беззащитностью. Но во мне заговорила кровь Норфольков: "Как, Эмилия, ты, герцогиня по рождению, стала герцогскою любовницей?.." Гордость все еще боролась у меня в душе с моею судьбой, когда герцог привез меня сюда, и тут взору моему явилось ужасное зрелище... Похоть сильных мира сего — это ненасытная гиена, алчущая все новых и новых жертв. Здесь она свирепствовала уже давно; разлучала жениха с невестой, расторгала даже священные узы брака, разрушала тихое семейное счастье, в юные неопытные сердца вливала смертельный яд, и умирающие ученицы, извиваясь в судорогах, проклинали ненавистные имена своих учителей... Я стала между ягненком и тигром, в минуту

страсти я вырвала у герцога клятву, и это отвратительное жертвоприношение было отменено.

Фердинанд (в смятении мечется по залу). Не надо, миледи! Довольно!

Леди. За этим мрачным периодом последовал еще более мрачный. Двор и сераль кишели тогда подонками итальянского общества. Ветреные парижанки заигрывали с развратным венценосцем, а народ истекал кровью от их затей... Всех этих женщин постигла печальная участь. Их разогнали на моих глазах, по части кокетства все они ничего не стоили рядом со мной. Тиран разомлел в моих объятиях, и я вырвала у него бразды правления. Впервые, Вальтер, твоя отчизна почувствовала на себе человеческую руку и доверчиво прильнула к моей груди. (Умолкает и смотрит на него с нежностью.) О, зачем единственный человек, мнением которого я дорожу, принуждает меня хвастаться и сжигать скромную мою добродетель на огне самолюбования!.. Я отворяла темницы, Вальтер, разрывала смертные приговоры, не раз сокращала ужасы пожизненной каторги. На неизлечимые раны я старалась пролить болеутоляющий бальзам, я сокрушала могущественных злодеев, слезой блудницы я не раз спасала проигранное дело невинного. Ах, юноша, какую мне это доставляло радость! С какою гордостью отвечало мое сердце на все упреки моей благородной крови! И вот, наконец, передо мной единственный человек, который мог бы вознаградить меня за все, человек, которого моя горькая доля, быть может, послала мне как утешение в моих скорбях, человек, которого я в невыносимой тоске мысленно уже обнимала....

Фердинанд (потрясенный до глубины души, прерывает ее). Довольно! Довольно! Вы нарушили наше условие, миледи. Вы должны были оправдаться передо мной, а вместо этого меня же делаете преступником. Пощадите... умоляю вас, пощадите мое сердце, оно вот-вот разорвется от стыда и горького раскаяния...

Леди (берет его за руку). Теперь или никогда! Эта сильная женщина слишком долго себя смиряла... почувствуй же тяжесть моих слез. (С глубокой нежностью.) Послушай, Вальтер! Несчастную женщину... властно, неодолимо влечет к тебе... тянет прижаться к тебе грудью, в которой бьет неиссякаемый источник пламенной любви... а ты, Вальтер, в такую минуту бросаешь ей холодное слово

"честь"... Несчастливая женщина, сгибающаяся под тяжестью своего позора, возненавидевшая порок, сделавшая над собой нечеловеческое усилие, чтобы воспрянуть по зову добродетели... она сейчас... бросается в твои объятия... (обнимает его, умоляющим и вместе с тем торжественным тоном) она, спасенная тобой, надеющаяся благодаря тебе вновь обрести бога или же... (отворачивается от него; глухим, прерывающимся голосом) принужденная забыть твой образ, поддаться безысходному отчаянию и вновь окунуться в еще более грязный омут поярка...

Фердинанд (вырывается из ее объятий; в полном смятении). Нет, клянусь всевышним!.. Я больше не могу... Леди, я должен... этого требуют земля и небо... Я должен сделать вам признание, леди!

Леди (отпрянув от него). Только не теперь! Только не теперь, заклинаю вас всем святым... только не в этот страшный миг, когда мое измученное сердце, пронзенное тысячью кинжалов, истекает кровью... Смерть это или жизнь?.. Я боюсь... я не хочу этого признания!

Фердинанд. Нет, нет, дорогая миледи! Вы должны меня выслушать... То, что я вам сейчас скажу, смягчит мою вину, — это будет жаркая мольба о прощении... Я в вас ошибся, миледи. Я ожидал... я надеялся, что вы окажетесь достойны моего презрения. Я пришел сюда, твердо решив оскорбить вас и возбудить в вас ненависть. Как бы мы были счастливы оба, если б мне это удалось! (После небольшого молчания, понизив голос и с некоторой робостью.) Я люблю, миледи, люблю девушку из мещанской семьи... Луизу Миллер, дочь музыканта. (Леди бледнеет и отворачивается, а он более уверенным тоном продолжает.) Я знаю, на что я иду, но если бы даже благоразумие приказало страсти умолкнуть, то тем громче заговорил бы голос долга. Виноват во всем я. Я первый спугнул золотой сон ее невинности, я заронил в ее сердце смелые надежды и допустил, что оно сделалось добычей неукротимой страсти. Вы станете говорить мне о моем положении в обществе, о моем происхождении, о правилах моего отца... Но я люблю... И тем сильнее во мне надежда, чем глубже пропасть между природой и светскими условностями. С одной стороны мое намерение, с другой — предрассудок! Посмотрим, что же возьмет верх: обычай или человеческая природа.

Леди в это время отходит в дальний угол комнаты и закрывает лицо руками.

Фердинанд идет за ней.

Вы хотели мне что-то сказать, миледи?

Леди (с выражением глубокого страдания). Ничего, господин фон Вальтер! Ничего... разве лишь то, что вы губите себя, меня и еще третье лицо.

Фердинанд. Третье?

Леди. Нам всем троим не будет счастья. Нам придется стать жертвами скороспелого решения вашего отца. Я никогда не буду владеть сердцем мужа, раз он отдал мне руку не по своей доброй воле.

Фердинанд. Не по своей доброй воле, миледи? Отдал не по своей доброй воле? А все-таки _отдал?_ Значит, вы способны насильно взять руку, взять руку без сердца? Вы способны отнять любимого человека у девушки, для которой он — все? Вы способны оторвать от девушки человека, для которого она — все? И это вы, британка, перед которой за минуту до этого я преклонялся? Вы на это _способны_, миледи?

Леди. Я вынуждена так поступить. (Строго и веско.) Моя нежность к вам, Вальтер, сильнее, чем страсть. Но моя честь не позволяет мне поступить иначе... О нашем браке говорит вся страна. Все взоры, все ядовитые стрелы обращены на меня. Если подданный герцога меня отвергнет, это будет для меня несмываемый позор. Добивайтесь своего у отца. Защищайтесь, как можете... Я ни перед чем не остановлюсь! (Быстро уходит.)

Майор, ошеломленный, некоторое время стоит неподвижно, затем бросается к выходу.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Комната в доме музыканта.

Миллер, жена Миллера, Луиза.

Миллер (быстро входит). Так я и знал!

Луиза (встревоженная, бросается, к нему). Что, отец, что?

Миллер (как сумасшедший бегают по комнате). Дайте мне мой парадный сюртук! Скорей! Мне нужно его опередить! И белую сорочку с манжетами!.. О, я живо смекнул!

Луиза. Ради бога, что произошло?

Жена Миллера. Что такое? Что случилось?

Миллер (швыряет на пол свой парик). Сейчас же отнесите это к парикмахеру!.. Что случилось? (Подбегает к зеркалу.) Опять борода отросла на целый палец!.. Что случилось? Ты еще, дрянь паршивая, спрашиваешь, что такое? Черт знает что такое, прах тебя возьми!

Жена Миллера. Вот так так! Я же во всем виновата!

Миллер. Конечно, ты, богомерзкая образина! А то кто же? Ведь это ты сегодня утром тараторила про своего чертова барчука... Я тебе тогда же сказал!.. Вурм все и разблаговестил.

Жена Миллера. Да будет тебе! Почем ты знаешь?

Миллер. Почем я знаю? Еще бы не знать! У наших дверей как из-под земли вырос слуга министра и спрашивает скрипача.

Луиза. Я погибла!

Миллер. И ты тоже, со своими невинными плазками! (Злобно смеется.) Видно, правду люди говорят; родится у кого красавица дочка — так и знай, что дело без нечистой силы не обошлось... Теперь мне все ясно.

Жена Миллера. Откуда ты знаешь, что это из-за Луизы? Может, тебя герцогу рекомендовали. Он еще, глядишь, в оркестр тебя возьмет.

Миллер (хватается за трость). Чтоб тебя содомским серным дождем испепелило!.. В оркестр! Да, в оркестр, только в такой, где ты, сводница, завизжишь дискантом, а мой исполосованный зад будет заместо контрабаса! (Падает в кресло.) Господи боже!

Луиза (бледная как смерть, садится). Мать! Отец! Отчего мне вдруг стало так страшно?

Миллер (вскакивает). Ну, попадись мне эта канцелярская крыса на узкой дорожке!.. Попадись он мне... не на этом, так на том свете! Не я буду, если я из него всю душу не вытрясу, а шкуру не разукрашу всеми десятью заповедями, семью прошениями из "Отче наш", всеми книгами Моисея и других пророков, да так, чтоб синяки до второго пришествия не сошли...

Жена Миллера. Лайся, бранись! Этим черта не изгонишь!.. Помоги нам, господи! Что нам делать? К кому обратиться? Как быть? Да говори же ты, Миллер! (С воем бежит по комнате.)

Миллер. Я сейчас прямо к министру! Я сам с ним об этом заговорю, сам ему донесу. Ты прежде меня об этом узнала. Должна была предупредить. Девчонку еще можно было наставить на ум. Тогда бы мы еще успели... Куда! Ты все на что-то зарилась, все на что-то целилась! Все подливала масла в огонь!.. Вот теперь и получай, сводня, награду! Расхлебывай кашу! А я вот возьму дочь, да и махну с ней через границу!

СЦЕНА ПЯТАЯ

Те же и Фердинанд фон Вальтер, испуганный, запыхавшийся, вбегает в комнату.

Фердинанд. Мой отец был у вас? |

Луиза (испуганно вздрагивает). Ваш отец?.. | Боже всемогущий! |

Жена Миллера (всплеснув руками). Президент?.. } (Вместе.) Мы пропали! |

Миллер (злобно смеется). Слава богу! | Слава богу! Дождались праздничка! |

Фердинанд (подбегает к Луизе и сжимает ее в объятиях). Ты — моя, хотя бы нас разделили небо и преисподняя!

Луиза. Я сейчас умру... Что ты хотел сказать? Ты произнес ужасное имя... Как? Твой отец?

Фердинанд. Ничего. Ничего. Все уже позади. Ты опять со мной. Я опять с тобой. О, дай мне перевести дух на твоей груди! То были страшные мгновенья.

Луиза. Какие мгновенья? Ты убиваешь меня!

Фердинанд (отступает и многозначительно смотрит на нее). В эти мгновенья, Луиза, между твоим и моим сердцем стал еще некто, в эти мгновенья моя совесть заставила потускнеть любовь мою, в эти мгновенья моя Луиза перестала быть _все_ для своего Фердинанда...

Луиза, закрыв лицо руками, падает в кресло. Фердинанд быстро подходит к ней, молча, вперив в нее неподвижный взгляд, останавливается, затем вдруг отходит.

(В сильном волнении.) Нет! Никогда! Этого не будет, леди! Это свыше моих сил! Я не могу принести тебе в жертву это невинное создание... нет, клянусь предвечным богом! Я не могу преступить клятву, о которой мне внятно, как удар грома, напоминает этот угасающий взор. Взгляни на нее, леди! Взгляни на нее, жестокий отец! Могу ли я умертвить этого ангела? Могу ли я причинить адские муки этой голубиной душе? (Решительным шагом подходит к ней.) Я

подведу ее к престолу вечного судии, и пусть вседержитель скажет, преступна ли моя любовь. (Берет ее за руку и поднимает с кресла.) Не падай духом, моя ненаглядная! Ты восторжествовала! Я вышел победителем в опаснейшей битве!

Луиза. Нет! Нет! Не таи от меня ничего! Произнеси ужасный приговор! Ты упомянул отца? Ты упомянул леди? Меня объемлет смертельный страх... Говорят, она выходит замуж...

Фердинанд (падает как подкошенный к ногам Луизы). За меня, несчастная!

Луиза (после некоторого молчания, тихим, прерывающимся голосом, до ужаса спокойно). Что же... что же я так испугалась? Мой отец сколько раз говорил мне... а я все не хотела верить. (Умолкает; затем, плача навзрыд, бросается в объятия к Миллеру.) Отец! Дочь твоя снова с тобой... Прости меня, отец! Твое дитя не виновато, что сон был так прекрасен... и так ужасно теперь пробуждение...

Миллер. Луиза! Луиза! О боже, она лишилась чувств!.. Дочь моя, бедное мое дитя... Проклятье обольстителю! Проклятье женщине, которая их сводила!

Жена Миллера (с воплем бросается к Луизе). Доченька! Неужто я заслужила это проклятие?.. Бог вам судья, барон! Что вам сделала эта овечка? За что вы ее хотите зарезать?

Фердинанд (полный решимости, бросается к Луизе). Нет, я разрушу его коварство, я порву железные цепи предрассудков, я выберу, кого хочу, как подобает мужчине, и пусть у мелких людишек закружится голова при взгляде на великий подвиг моей любви! (Хочет уйти.)

Луиза (дрожа, поднимается с кресла и идет за ним). Постой, постой, куда ты?.. Отец! Мать! Как? В этот страшный миг он покидает нас?

Жена Миллера (бежит за ним и не пускает его). Сейчас придет президент... Он нашу дочку не пощадит... Нас он тоже не пощадит... Господин фон Вальтер, и вы покидаете нас?

Миллер (дико хохочет). Покидает! Так и должно быть! А как же иначе? Ведь она ему все отдала! (Одной рукой хватает майора, другой — Луизу.) Стой, сударь! Уйти из моего дома можно — только перешагнув через нее! Если ты не подлец, дождись сначала своего отца! Расскажи ему, как ты вкрался в ее сердце, обманщик, или...

ради создателя... (толкает к нему Луизу; с бешеной злобой) раздави сперва эту жалкую букашку, которую любовь к тебе довела до такого позора!

Фердинанд (возвращается и в глубокой задумчивости ходит взад и вперед). Власть президента велика, это верно... Право отца — понятие широкое... в его складках может укрыться все, вплоть до преступления. Да, оно простирается далеко-далеко! Но до последней крайности доводит только любовь... Ко мне, Луиза! Дай мне свою руку! (Порывистым движением берет ее за руку.) Союз наш так же непреложен, как непреложно то, что при последнем моем издыхании господь не оставит меня! Если эти две руки будут разъединены, в тот же миг порвется нить между мною и мирозданием!

Луиза. Мне страшно! Не смотри на меня! Губы у тебя дрожат! Ты так дико вращаешь глазами...

Фердинанд. Нет, Луиза! Не бойся! Во мне говорит не безумие. Меня осенило свыше, я предпринял роковой шаг в одно из тех решительных мгновений, когда приходится делать над собой отчаянное усилие, чтобы стесненная грудь вздохнула наконец свободно. Я люблю тебя, Луиза. Ты должна быть моею, Луиза!.. А теперь скорей к моему отцу! (Устремляется к выходу и в дверях сталкивается с президентом.)

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Те же и президент со своими слугами.

Президент (входя). А, он здесь!

Все в ужасе.

Фердинанд (на несколько шагов отступает). Да, в доме невинности.

Президент. В том доме, где сына учат, как надо повиноваться отцу?

Фердинанд. Предоставьте нам...

Президент (не давая ему договорить, обращается к Миллеру). Вы — отец?

Миллер. Я учитель музыки Миллер.

Президент (жене Миллера). А вы — мать?

Жена Миллера. Да, да, мать!

Фердинанд (Миллеру). Отец! Уведите дочь, она вся помертвела.

Президент. Не беспокойся, я ее живо вгоню в краску. (Луизе.) Как давно вы познакомились с сыном президента?

Луиза. Я не разузнавала, кто он такой. Фердинанд фон Вальтер бывает у меня с ноября.

Фердинанд. Фердинанд фон Вальтер молится на нее.

Президент. Он просил вашей руки?

Фердинанд. Только что — торжественно, как пред лицом всевышнего.

Президент (сыну, в сердцах). Тебе скажут, когда надо будет признаться в собственном безрассудстве. (Луизе.) Я жду ответа.

Луиза. Он поклялся мне в любви.

Фердинанд. И клятвы не нарушит.

Президент. Да замолчишь ли ты наконец?.. И вы поверили его клятве?

Луиза (с нежностью в голосе). Я тоже ему поклялась.

Фердинанд (твердо). Наш союз заключен.

Президент. Я велю выбросить вон это эхо. (Луизе, злобно.) И он каждый раз платил вам наличными?

Луиза (напряженно думая). Этот вопрос мне не совсем понятен.

Президент (с ехидным смехом). Не понятен? Вот как? А я хотел только сказать, что за труды, как говорится, все что-нибудь да получают. Ведь вы тоже, я полагаю, даром своих ласк не отдавали? Или, быть может, вы находили вкус в самом этом занятии? Что?

Фердинанд (в ярости). Громы небесные! Что вы хотите этим сказать, отец?

Луиза (майору, с чувством оскорбленного достоинства). Господин фон Вальтер! Теперь вы свободны!

Фердинанд. Отец! Добродетель и в рубище должна вызывать благоговение.

Президент (смеется громче). Благодарю покорно! Отец обязан уважать девку своего сына.

Луиза. Праведное небо! (Падает без чувств.)

Фердинанд (обнажая против президента шпагу и тут же опуская ее). Отец! Вы дали мне жизнь, я пощадил вашу, — мы в расчете. (Вкладывая шпагу в ножны.) Вексель сыновнего долга разорван...

Миллер (до последней минуты робко стоявший в стороне, выступает вперед; вне себя, то скрипя зубами от бешенства, то стуча ими от страха). Ваше превосходительство! Дитя, не во гнев вам будь сказано, плоть от плоти отца своего. Кто обзывает дочь продажной тварью, тот дает оплеуху отцу, но пощечина за пощечину... Такая у нас существует такса, — уж не прогневайтесь.

Жена Миллера. Сыне божий, помилуй нас! Старик мой туда же еще!.. Ох, быть грозе!

Президент (не вполне расслышав). А, и сводник подает голос? Сейчас мы и с тобой поговорим, сводник!

Миллер. Не во гнев вам будь сказано, меня зовут Миллер. Если вам угодно послушать адажио, то я к вашим услугам, а сводничеством я не занимаюсь. Пока двор нужды в том не терпит, мы, мещане, вам не поставщики. Не прогневайтесь.

Жена Миллера. Муж, ради бога! Ты губишь и жену и дочь!

Фердинанд. Вы, отец, играете здесь такую роль, что уж лучше было бы вам обойтись без свидетелей.

Миллер (подходит ближе; осмелев). Я говорю ясно, ваше превосходительство. Не прогневайтесь. Вершите, как хотите, дела

государственные, а здесь я хозяин. Доведется мне быть вашим просителем и прийти к вам, тогда я вам почтение и окажу, но дерзкого гостя я выставляю за дверь. Не прогневайтесь.

Президент (поблуднев от злости). Что? Что такое? (Подходит к нему.)

Миллер (медленно отступает). Это только мое мнение, ваше превосходительство... не прогневайтесь.

Президент (в неистовстве). Ах, мошенник! В смиренный дом тебя за твое наглое мнение... Ступайте! Приведите сюда полицейских!

Некоторые из слуг уходят. Президент в ярости мечется по комнате.

Отца в смиренный дом! Мать и распутную дочь к позорному столбу! Правосудие найдет выход моему негодованию. За такое поношение я должен жестоко отомстить. Всякая мразь будет расстраивать мои замыслы и безнаказанно натравливать сына на отца?... Ну нет, окающее отродье! Я утолю свою злобу вашей гибелью, всю вашу семейку — отца, мать, дочь — я принесу в жертву лютой моей мести!

Фердинанд (спокойно и решительно становится между ними). Этому не бывать! Не бойтесь! Я тут. (Президенту, кротко.) Не торопитесь, отец! Если вам дорога жизнь, не прибегайте к насилию! В моем сердце есть уголок, где слово _отец_ еще ни разу не было произнесено... Бойтесь проникнуть туда!

Президент. Молчи, негодяй! Моему терпению приходит конец!

Миллер (выйдя из тягостного оцепенения). Смотри за дочкой, жена. Я бегу к герцогу. Герцогский портной, — сам бог мне это внушил, — герцогский портной учится у меня играть на флейте. У герцога я найду защиту. (Направляется к выходу.)

Президент. Что? К герцогу? А ты забыл, что я — порог к нему и что если ты не сможешь перешагнуть через этот порог, то непременно сломишь себе шею? К герцогу, дурачина? Попробуй-ка к нему воззвать, когда ты, заживо погребенный, будешь лежать в темнице на целую башню ниже земной поверхности — там, где перемигиваются

ночь и ад и куда не проникает ни единый звук, ни единый луч свеса.
Греми тогда своими цепями и вопи: "Где же справедливость на свете?"

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Те же и полицейские.

Фердинанд (подбегает к Луизе, та замертво падает в его объятия). Луиза!.. Спасите! Помогите! Это она от страха!

Миллер хватает камышовую трость, надевает шляпу и готовится к нападению.

Жена Миллера падает перед президентом на колени.

Президент (полицейским, показывая на свой орден). Именем герцога, арестуйте их!.. Прочь от девки, мальчишка!.. Сейчас она без памяти, а как наденут на нее железный ошейник да начнут побивать камнями, так живо придет в себя.

Жена Миллера. Смилуйтесь, ваше превосходительство! Смилуйтесь! Смилуйтесь!

Миллер (силой поднимает жену). Становись на колени перед богом, старая плакса, а не перед... подлецами! Мне все равно не миновать смирительного дома!

Президент (кусая губы). Хорошо еще, если в смирительный дом, мошенник! Для тебя и на виселице местечко найдется. (Полицейским.) Сто раз вам повторять?

Полицейские приближаются к Луизе.

Фердинанд (выпрямляется и заслоняет ее; в исступлении). Кто посмеет?.. (Хватается за шпагу, но не вынимает ее из ножен и защищается эфесом.) Пусть дотронется до нее тот, кто и череп свой отдал внаймы полиции! (Президенту.) Пожалейте себя, отец! Не заходите слишком далеко!

Президент (полицейским, угрожающе). Вы что же это, не дорожите своим куском хлеба, трусы?..

Полицейские снова подступают к Луизе.

Фердинанд. Вражья сила! Назад, говорят вам!.. Повторяю: пощадите себя, отец! Не доводите меня до крайности!

Президент (полицейским, в бешенстве). Так вот ваше усердие, каналы?

Полицейские подступают к Луизе смелее.

Фердинанд. Ну, если так (обнажает шпагу и ранит некоторых), то да простит мне правосудие!

Президент (в неистовстве). Попробуй только до меня дотронуться! (Вырывает из рук Фердинанда Луизу и передает одному из полицейских.)

Фердинанд (с горьким смехом). Отец! Отец! Вы злобный пасквиль на божество, ибо оно из превосходного палача сотворило плохого министра!

Президент (полицейским). Уведите ее!

Фердинанд. Отец! Если она и станет к позорному столбу, то только вместе с майором, сыном президента!.. Вы и сейчас еще не изменили решения?

Президент. Тем забавнее будет зрелище... Уведите их!

Фердинанд. Отец! Я брошу свою офицерскую шпагу к ногам этой девушки... Вы и сейчас еще не изменили решения?

Президент. Ты и так уже замарал честь офицера... Уведите их! Уведите! Мое слово — закон!

Фердинанд (отталкивает одного из полицейских и, одной рукой держа Луизу, другою заносит над нею шпагу). Отец! Прежде чем вы мою супругу выставите на позор, я ее заколю... Вы и сейчас еще не изменили решения?

Президент. Заколи, если твой клинок достаточно остер.

Фердинанд (отпускает Луизу и устремляет к небу полный отчаяния взгляд). Призываю в свидетели тебя, всемогущий боже! Человеческие средства исчерпаны, обратимся же к средству дьявольскому!.. Ведите ее к позорному столбу, а я в это время (наклонившись к уху президента, громким шепотом) расскажу всей столице о том, как становятся президентами. (Уходит.)

Президент (как громом пораженный). Что такое?.. Фердинанд!.. Отпустите ее! (Бежит за майором.)

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зал в доме президента.

Входят президент и секретарь Вурм.

Президент. Сорвалось!

Вурм. Этого я и опасался, ваша милость. Насилие ожесточает мечтателей, но не исправляет их.

Президент. А я как раз очень надеялся на эту меру. Я рассуждал так: если опозорить девчонку, он, как офицер, принужден будет отступить.

Вурм. Прекрасно. Но тогда надо было действительно ее опозорить.

Президент. А все же, если поразмыслить хорошенько, я должен был поставить на своем. Это была с его стороны пустая угроза, — он никогда бы не привел ее в исполнение.

Вурм. Не скажите. Раздраженная страсть способна на любые безумства. Вы сами говорите: господин майор всегда относился неодобрительно к тому, как вы управляете государством. Очень может быть. Правила, которые он вывез из университета, мне тогда же показались достаточно странными. К чему эти несбыточные мечты о величии души и личном благородстве при таком дворе, где наивысшею мудростью почитается особое искусство быть в одно и то же время великим и низким? Ваш сын слишком юн и горяч, — долгий, извилистый путь интриги не по нем, задеть его честолюбие может только что-нибудь грандиозное, из ряду вон выходящее.

Президент (с раздражением). Позвольте, какое отношение имеет ваше глубокомысленное замечание к нашему делу?

Вурм. Оно указывает вашему превосходительству, где надо искать уязвимое место, а может быть, подскажет и способ лечения. Вы меня извините, но человека с таким характером никак нельзя было посвящать в свои тайны, равным образом нельзя было и озлоблять его. Он гнушается теми средствами, благодаря которым вам удалось прийти к власти. Может быть, только сыновнее чувство и держало в нем до сих пор на привязи язык предателя. Дайте ему законный повод

заглушить в себе это чувство, убедите его при помощи беспрестанных посягательств на его страсть, что вы совсем не такой нежный отец, — и долг патриота в нем пересилит. Эта дерзновенная мысль — принести правосудию такую неслыханную жертву, свергнуть власть родного отца, — уже сама по себе должна быть для него весьма соблазнительной.

Президент. Вурм, Вурм! К какой страшной бездне вы меня подводите!

Вурм. Я хочу отвести вас от нее, ваша милость. Могу я говорить откровенно?

Президент (садится). Как преступник со своим соучастником.

Вурм. Так вот, прошу меня извинить, но всем своим президентством вы, сколько я понимаю, обязаны своей гибкости, гибкости испытанного царедворца, — почему же вы не проявили ее и как отец? Я помню, с каким невинным видом вы уговаривали вашего предшественника составить партию в пикет и потом, мирно попивая бургонское, сидели у него до полуночи, — а ведь это была та самая ночь, когда готовился взрыв колоссальной мины и бедняге предстояло взлететь на воздух... Зачем вы открыли сыну, кто его враг? Он не должен был подозревать, что мне известны его сердечные дела. Подкоп под этот роман вам надо было вести по направлению к девушке, а сердце сына не трогать. Тогда бы вы уподобились мудрому полководцу, который не нападает на ядро вражеского войска, а стремится рассеять его силы.

Президент. Но как же этого можно было достигнуть?

Вурм. Весьма просто. Да ведь не все еще потеряно. Позабудьте на некоторое время об отцовских правах, не вступайте в борьбу со страстью сына, — от сопротивления она только усиливается. Позвольте мне на жару этой страсти согреть змею, и вот змея-то ее и полотит.

Президент. Я вас слушаю.

Вурм. Или я плохо знаю барометр человеческой души, или господин майор так же неистов в ревности, как и в любви. Навлеките на девушку подозрение, справедливое или несправедливое — это уже не важно. Положите один гран дрожжей, и вся масса придет в состояние разрушительного брожения.

Президент. Но где же взять этот гран?

Вурм. Вот мы и подошли к самому главному... Прежде всего, ваша милость, мне бы хотелось знать, чем вы рискуете, если ваш сын будет и дальше вам противиться, и насколько для вас существенно, чтобы его роман с мещаночкой кончился и он вступил в брак с леди Мильфорд?

Президент. Как чем рискую, Вурм? Если брак майора с леди Мильфорд не состоится — то всем своим влиянием; если же я попытаюсь его заставить — то своею головой.

Вурм (радостно). В таком случае сделайте одолжение, выслушайте меня... Господина майора мы возьмем хитростью. Против девушки мы употребим все ваше могущество. Мы продиктуем ей любовную записочку к третьему лицу и записочку эту ухитримся подсунуть майору.

Президент. Чепуха! Кто же это станет сам себе подписывать смертный приговор?

Вурм. Должна будет подписать, если только вы предоставите мне полную свободу действий. Я знаю эту добрую душу как свои пять пальцев. У нее две слабые струнки, и вот на одной из них мы и сыграем. Я разумею ее отца и майора. Майор нам тут не пригодится, так мы ее на музыканта возьмем.

Президент. То есть?

Вурм. Сами же вы, ваше превосходительство, мне рассказывали, какой дебош учинил он у себя в доме; следственно, нам ничего не стоит пригрозить папаше уголовным судом. Особа любимца герцога, особа хранителя печати есть в некотором роде тень государя. Кто оскорбляет государева приближенного, тот оскорбляет его самого. Насчет этого не беспокойтесь: я его, голубчика, так запугаю, что он у меня будет тише воды, ниже травы.

Президент. Но все это только... только для вида.

Вурм. Разумеется! Мы поставим всю семейку на колени, — дальше этого мы не пойдем. Музыканта без лишнего шума под замок, в крайнем случае и маменьку туда же, а с дочкой поведем разговор об уголовной ответственности, эшафоте, пожизненном заключении в крепости и дадим ей понять, что единственная возможность освободить их — это _написать письмецо_.

Президент. Отлично! Отлично! Теперь я понимаю...

Вурм. Она любит своего отца, можно сказать, до страсти... И вот этого отца ожидает казнь, в лучшем случае — тюрьма, девушку мучает совесть, что это из-за нее, с другой стороны — она понимает, что с майором ей придется проститься, голова у нее в конце концов пойдет кругом, — уж я об этом позабочусь, в грязь лицом не ударю, — и она волей-неволей угодит в капкан.

Президент. А мой сын? Ведь он же мигом обо всем проведает? Ведь он же придет в совершенное неистовство?

Вурм. Положитесь на меня, ваша милость, — родители будут выпущены из тюрьмы не прежде, чем вся семья даст клятву держать происшедшее в строжайшей тайне и не раскрывать обмана.

Президент. Клятву? Да чего они стоят, эти клятвы, глупец?

Вурм. Для нас с вами, ваша милость, ничего. Для таких же, как они, клятва — это все. Теперь давайте посмотрим, как это у нас с вами все ловко выйдет. Девушка утратит любовь майора, утратит свое доброе имя. Родители после такой встряски сбавят тон и еще в ножки мне поклонятся, если я женюсь на их дочери и спасу ее честь.

Президент (смеясь, кивает головой). Сдаюсь, сдаюсь, мошенник! Сеть сплетена чертовски тонко. Ученик превзошел своего учителя. Но вот вопрос: на чье имя должна быть записка? Кого бы нам сюда впутать?

Вурм. Разумеется, кого-нибудь такого, кто, в зависимости от решения вашего сына, все выиграет или же все проиграет.

Президент (немного подумав). Я могу назвать только гофмаршала.

Вурм (пожав плечами). На месте Луизы Миллер я бы в восторг не пришел.

Президент. А, собственно говоря, почему? Скажите, пожалуйста! Одет с иголочки, запах eau de mille fleurs {Цветочного одеколona (франц.).} и мускуса, что ни слово, то перл, — неужели девчонка из мещанской семьи от всего этого не растает? Ревность вовсе не так разборчива, друг мой! Я пошлю за маршалом. (Звонит.)

Вурм. Итак, ваше превосходительство, вы побеседуете с маршалом и распорядитесь взять под стражу скрипача, а я пока что успею составить упомянутое любовное послание.

Президент (подходит к конторке). Как только будет готово, принесите его мне для просмотра.

Вурм уходит. Президент садится и пишет. Входит слуга.
Президент встает и передает ему бумагу.

Это приказ о взятии под стражу, ты его сию же минуту отнесешь в полицию. Скажи, чтоб послали за гофмаршалом.

Слуга. Его милость сейчас только изволили подъехать,

Президент. Тем лучше. Не забудь сказать, что эти меры должны быть приняты осторожно, чтобы после не было разговоров.

Слуга. Слушаюсь, ваше превосходительство.

Президент. Понял? Чтоб все было шито-крыто!

Слуга. Будет исполнено, ваше превосходительство. (Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Президент, гофмаршал.

Гофмаршал (сыплет словами). А я к вам en passant {Мимоходом (франц.)}, мой драгоценнейший. Как поживаете? Как себя чувствуете? Сегодня дают оперу "Дидона", грандиознейший фейерверк, весь город будет в огнях. Вам хочется посмотреть, как все это будет пылать? Что?

Президент. Нет уж, увольте, у меня в доме такой фейерверк, что как бы все мое могущество не взлетело на воздух. Вы пришли как раз вовремя, дорогой маршал; я буду просить вас помочь мне и словом и делом в одном начинании, которое нас с вами или вознесет еще выше, или уж погубит навеки. Садитесь.

Гофмаршал. Не пугайте меня, добрейший.

Президент. Повторяю: вознесет или погубит окончательно. Вы знаете мой проект, касающийся майора и леди Мильфорд. Вам не нужно также объяснять, как важно упрочить наше с вами благополучие. Все может рухнуть, Кальб. Фердинанд не соглашается.

Гофмаршал. Не соглашается... не соглашается... а я уж раззвонил по всему городу. Везде только и разговору что об этой свадьбе.

Президент. Весь город будет считать вас лгуном. Фердинанд любит другую.

Гофмаршал. Шутить изволите! Да разве это препятствие?

Президент. Для такого упряма — непреодолимое.

Гофмаршал. Неужели же он такой сумасброд, что отказывается от собственного счастья? Что?

Президент. Спросите его самого и послушайте, что он вам ответит.

Гофмаршал. Ah, mon Dieu! {Ах, боже мой! (франц.)} Что же он может ответить?

Президент. Что он всему свету расскажет, какое преступление мы совершили, чтобы возвыситься; что он донесет о наших

подложных письмах и квитанциях, что он нас обоих выдаст головой, — вот что он вам ответит.

Гофмаршал. Да бог с вами!

Президент. Мне он так и ответил. Он уж готов был на все. Я едва-едва удержал его ценою собственного глубочайшего унижения... Ну-с, что скажете?

Гофмаршал (смотрит на него, как баран). Это для меня непостижимо!

Президент. И это еще полбеды. Одновременно мои шпионы донесли мне, что обер-шенк фон Бок, того и гляди, посватается за леди Мильфорд.

Гофмаршал. Час от часу не легче! Кто, вы сказали? Фон Бок, вы сказали? А вы знаете, что это злейший мой враг? И вы знаете, из-за чего?

Президент. В первый раз слышу.

Гофмаршал. Вы только послушайте, мой драгоценнейший, вы своим ушам не поверите... Вы, конечно, помните тот бал во дворце... двадцать лет тому назад... Ну... вот когда еще в первый раз танцевали английскую кадриль, а графу фон Мершауму капнул на домино горячий воск с люстры... Ах, боже мой, да вы, наверно, это помните!

Президент. Еще бы, разве это можно забыть?

Гофмаршал. Так вот, видите, принцесса Амалия во время танцев потеряла тогда подвязку. Естественно, все переполошились. Фон Бок и я, — мы были тогда еще камер-юнкерами, — исползали весь бал-маскарадный зал, все искали подвязку... Наконец я увидел ее... Фон Бок увидел тоже... Фон Бок уж тут как тут, выхватывает ее у меня из рук, — можете себе представить? — подает принцессе, срывает с ее уст комплимент, а я остаюсь с носом... Как вам это понравится?

Президент. Нахал!

Гофмаршал. А я остаюсь с носом... Я чуть в обморок не упал. Неслыханное коварство!.. Наконец я пересиливаю себя, подхожу к принцессе и говорю: "Ваша светлость! Фон Бок имел счастье вручить вам подвязку, но кто первый ее увидел, тот уже втайне вознагражден и безмолвствует".

Президент. Bravo, маршал! Брависсимо!

Гофмаршал. "И безмолвствует"... Но я не забуду этого фон Боку до Страшного суда. Низкий, угодливый льстец!.. И это еще не все!

Когда мы оба присели на пол и потянулись за подвязкой, фон Бок смахнул мне с правой стороны всю пудру с прически, и я на все время бала вышел из строя.

Президент. Так вот, этот самый человек женится на леди Мильфорд и будет первым лицом при дворе.

Гофмаршал. Это мне нож в сердце! Первым лицом? Первым лицом? Почему первым лицом? Почему вы думаете, что это непременно так будет?

Президент. Потому что Фердинанд не желает, а больше охотников не найдешь.

Гофмаршал. Но разве у вас нет возможности принудить к этому майора? Пусть даже это будет крайняя, отчаянная мера! Для нас теперь все средства хороши, лишь бы убрать с дороги ненавистного фон Бока.

Президент. Я знаю только одно средство, и оно в ваших руках.

Гофмаршал. В моих руках? Что вы этим хотите сказать?

Президент. Нужно рассорить майора с его возлюбленной.

Гофмаршал. Рассорить? А как вы это себе представляете? Что я должен делать?

Президент. Если нам удастся очернить девушку, значит, мы у цели.

Гофмаршал. Распустить слух, что она ворует? Вы это имеете в виду?

Президент. Да нет же! Как это вам могло прийти в голову?.. Что у нее есть другой.

Гофмаршал. Кто же именно?

Президент. Этим другим должны быть вы, барон.

Гофмаршал. Я? Я? А она дворянка?

Президент. Какое там дворянка! Откуда вы взяли? Она дочь музыканта.

Гофмаршал. Так она мещанка? Это мне не подходит. Что?

Президент. То есть как не подходит? Это еще что за дурачество? Кому во всей вселенной взбредет на ум выведывать родословную смазливой девчонки?

Гофмаршал. Но ведь я женат, — примите в рассуждение хоть это! А что будут говорить обо мне при дворе?

Президент. Это дело другое. Извините! Я не знал, что для вас важнее быть человеком строгих правил, нежели человеком влиятельным. Может быть, мы на этом и кончим?

Гофмаршал. Не сердитесь, барон. Я вас не так понял.

Президент (холодно). Нет, нет! Вы совершенно правы. Мне это и самому уже в тягость. Довольно тянуть ляжку! Я поздравлю фон Бока с назначением на пост премьер-министра. Свет не клином сошелся. Я подам в отставку.

Гофмаршал. А как же я?.. Вам-то что! Вы человек образованный! А я... Mon Dieu! Если его высочество даст мне отставку, что же я буду собой представлять?

Президент. Позавчерашнюю остроту. Прошлогоднюю моду.

Гофмаршал. Дорогой мой, золотой, умоляю вас: возьмите свои слова назад! Я, со своей стороны, готов на все.

Президент. Так вы даете согласие на то, чтобы в записке, в которой некая Миллер будет назначать randevu, было указано ваше имя?

Гофмаршал. Господи, конечно!

Президент. И на то, чтобы эту записку обронить в таком месте, где бы она могла попасться на глаза майору?

Гофмаршал. Да я могу на параде как бы нечаянно выронить ее вместе с носовым платком.

Президент. И вы согласны разыгрывать перед майором роль ее любовника?

Гофмаршал. Mort de ma vie! {Здесь: проклятие (франц.).} Я его проучу! Я покажу этому молокососу, как отбивать у меня красоток!

Президент. Вот это я понимаю!.. Письмо будет готово сегодня те. До вечера вам придется еще раз пожаловать ко мне за письмом, и мы с вами обдумаем, как нам надлежит действовать дальше.

Гофмаршал. Я только сделаю шестнадцать визитов первостепенной важности, и сейчас же к вам. Уж вы меня извините, — я принужден вас покинуть немедленно. (Уходит.)

Президент (звонит). Я полагаюсь на вашу находчивость, маршал!

Гофмаршал (обернувшись). Ah, mon Dieu! Вы меня знаете.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Президент, Вурм.

Вурм. Скрипача и его жену отличнейшим образом, без всяких хлопот, удалось взять под арест. Теперь не угодно ли вашему превосходительству прочесть письмо?

Президент (прочитав письмо). Молодчина, молодчина, секретарь! Маршала мы тоже поддели на удочку! Этот яд способен обратить в гнойную проказу само здоровье. Сейчас мы кое-что предложим отцу, а потом как следует примемся за дочку.

Расходятся в разные стороны.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

У Миллера.

Луиза, Фердинанд.

Луиза. Не говори со мной больше об этом. Мне уж не видать счастливых дней. Все мои надежды увяли.

Фердинанд. Зато мои расцвели. Мой отец рвет и мечет. Мой отец обрушит на нас всю свою мощь. Кончится тем, что он убьет во мне сына. Чувство сыновнего долга надо мною уже не властно. Гнев и отчаяние принудят меня разгласить мрачную тайну совершенного им убийства. Сын предаст отца в руки палача. Мы на краю пропасти, но эта пропасть должна была разверзнуться для того, чтобы любовь моя отважилась на головокружительный прыжок. Послушай, Луиза: в моей душе теснится мысль, великая и дерзновенная, как моя страсть... Ты, Луиза, я и наша любовь! Не заключено ли в этом круге все небо? Или тебе не хватает еще чего-то четвертого?

Луиза. Довольно! Перестань! Я бледнею при одной мысли о том, что ты хочешь сказать.

Фердинанд. Нам с тобой ничего не нужно от мира, так зачем же вымаливать его благословение? К чему рисковать там, где мы ничего не выиграем, а потерять можем все? Разве твои глаза перестанут нежно лучиться только оттого, что лучи их отразятся не в волнах Рейна, а в волнах Эльбы или же Балтийского моря? Моя отчизна там, где меня любит Луиза. Следы твоих ног в диких песчаных пустынях мне дороже, чем величественное здание собора в моем родном краю. На что нам вся пышность городов? Где бы мы ни были с тобою, Луиза, всюду восходит и заходит солнце, а это такое дивное зрелище, перед которым бледнеет самая смелая фантазия художника. Пусть мы будем лишены возможности молиться в храмах, зато, когда настанет ночь с ее трепетом восторга, плывущий по небу месяц будет призывать нас к покаянию, а звездный храм будет вместе с нами в благоговейном молчании воссылать господа богу хвалу. Ужели мы когда-нибудь устанем говорить о любви? Об одной улыбке моей Луизы можно

говорить столетия, а до тех пор, пока я не узнаю, что исторгло у нее слезу, я ставлю крест на мечте всей моей жизни.

Луиза. А разве у тебя нет иного долга, кроме твоей любви?

Фердинанд (обнимает ее). Твой покой — вот мой самый священный долг.

Луиза (очень строго). Тогда замолчи и оставь меня. Мне надо подумать о моем отце: все его достояние — единственная дочь, на днях ему исполнится шестьдесят лет, и вот этому-то человеку грозит месть президента...

Фердинанд (прерывает ее). Мы возьмем твоего отца с собой... Не спорь, моя любимая! Я тотчас же обращу мои драгоценности в деньги, возьму в долг на имя отца. Разбойника ограбить не грех: все его сокровища — это кровные деньги отечества. Ровно в час ночи сюда подъедет экипаж. Вы с отцом выезжаете сию же секунду — и мы бежим.

Луиза. А вслед нам — проклятие твоего отца? Безумец! Даже убийцы проклинаят не напрасно; небесный мститель приклоняет слух и к проклятью, которое вырвалось из уст разбойника, привязанного к колесу, а нас, беглецов, оно, подобно призраку, будет неотступно преследовать от моря до моря... Нет, мой любимый! Если я могу удержать тебя лишь ценой преступления, то у меня еще останется сил потерять тебя.

Фердинанд (стоя неподвижно, угрюмо шепчет). И это правда?

Луиза. Потерять!.. О, какая бездонно мрачная мысль! Такая страшная, что от нее опускаются крылья у бессмертного духа и блекнет яркий румянец счастья... Потерять тебя, Фердинанд! Но ведь теряют лишь то, чем обладали, а твое сердце принадлежит твоему сословию. Вот и выходит, что я посягаю на его священное достояние, а потому я с содроганием отказываюсь от своих домогательств.

Фердинанд (с искаженным лицом, кусая губы). Отказываешься?

Луиза. Посмотри на меня, милый Вальтер! Не скрежещи зубами с таким отчаянием! Послушай! Я хочу подать тебе пример и этим примером вдохнуть в тебя мужество. Я хочу показать тебе, что и я способна на геройство; я хочу вернуть отцу блудного сына, хочу отказаться от союза, который грозит подорвать устои общества и разрушить вечный миропорядок. Я преступница. Я взлелеяла в своем сердце дерзкие, безрассудные мечты. Мое горе явилось для меня

возмездием, так не разрушай же сладостного, утешительного обмана, — дай мне себя убедить, что я сама пожертвовала своим счастьем... Неужели ты лишишь меня этой отрады?

Фердинанд, поглощенный своими мыслями, берет в руки скрипку, пробует играть, затем в порыве ярости рвет струны, разбивает инструмент об пол и разражается громким смехом.

Вальтер! Боже милосердный! Что с тобой? Не предавайся отчаянию! Нам нужно быть твердыми — настал час разлуки. Милый мой Вальтер! Я знаю твое сердце. Твоя любовь живительна, как сама жизнь, и беспредельна, как сама бесконечность. Принеси ее в дар более знатной и более достойной избраннице, и самые счастливые женщины в мире уже не возбудят в ней зависти. (подавляя слезы.) Мы не должны с тобою видеться. Тщеславная, обманувшаяся девушка выплачет свою кручину в четырех стенах, слезы ее никого не разжалобят. Пусто и мертво мое будущее... И все же я буду порою вдыхать аромат увядших цветов минувшего. (Отвернувшись, протягивает ему дрожащую руку.) Прощайте, господин фон Вальтер!

Фердинанд (выйдя из оцепенения). Я покидаю родину, Луиза. Ужели ты не последуешь за мной?

Луиза (садится в глубине комнаты и закрывает лицо руками). Мой долг повелевает мне остаться и страдать.

Фердинанд. Ты лжешь, змея! Тебя привязывает здесь что-то другое!

Луиза (с глубокой душевной мукой). Думайте так... если вам от этого легче.

Фердинанд. Холодные рассуждения в ответ на мою любовь? Ты хочешь обмануть меня этой басней? Любовник — вот что тебя здесь держит. Ну так горе тебе и ему, если я окажусь прав в своих подозрениях! (Быстро уходит.)

СЦЕНА ПЯТАЯ

Луиза, одна, молча и неподвижно сидит, откинувшись на спинку кресла, затем поднимается и, пугливо озираясь, делает несколько шагов вперед.

Луиза. Что так долго нет моих родителей? Отец обещал вернуться через несколько минут, а прошло уже целых пять страшных часов. Уж не случилось ли с ним недоброе?.. Что со мной? Отчего мне так трудно дышать?

Входит Вурм и, не замеченный Луизой, останавливается в глубине комнаты.

Нет, мне только так кажется... Это шутит со мной злые шутки разгоряченная кровь... Едва лишь в сердце поселился страх, как уже очам нашим чудятся привидения в каждом углу.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Луиза, секретарь Вурм.

Вурм (подходит ближе). Добрый вечер, барышня!

Луиза. Боже мой! Кто это? (Оглядывается, замечает секретаря и в испуге отшатывается.) Вот оно! Вот оно! С ужасом вижу, что мое дурное предчувствие меня не обманывает. (Секретарю, окидывая его взглядом, полным презрения.) Вам нужен президент? Он уже ушел.

Вурм. Нет, барышня, мне нужны вы.

Луиза. В таком случае странно, что вы не пошли на рыночную площадь.

Вурм. Почему же именно туда?

Луиза. Подошли бы к позорному столбу и увели свою невесту.

Вурм. Мамзель Миллер! Ваши подозрения неосновательны...

Луиза (сдерживаясь). Что вам угодно?

Вурм. Меня к вам послал ваш отец.

Луиза (поражена). Мой отец?.. Где же он?

Вурм. Там, откуда он не прочь был бы уйти.

Луиза. Говорите, ради бога, скорее! Сердце мое чует недоброе...
Где мой отец?

Вурм. В тюрьме, если уж вам так хочется знать.

Луиза (возведя глаза к небу). Еще один удар! Еще!.. В тюрьме?
Почему в тюрьме?

Вурм. По приказанию герцога.

Луиза. Герцога?

Вурм. За оскорбление его высочества в лице его превосходительства.

Луиза. Что такое? Что такое?.. Силы небесные!

Вурм. И герцог намерен подвергнуть его за это самому суровому наказанию.

Луиза. Этого еще не доставало! Только этого!.. Да, правда, да, правда, в сердце моем была еще одна святыня, кроме Фердинанда, и я ее не сберегла... Оскорбление его высочества?.. Царь небесный! Укрепи, укрепи мою слабеющую веру!.. А что Фердинанд?

Вурм. Перед ним выбор: леди Мильфорд или отцовское проклятие и лишение наследства.

Луиза. Нечего сказать, свободный выбор! И все же... и все же он счастливей меня. У него нет отца, ему некого терять. Впрочем, не иметь отца — удел не менее горестный!.. Мой отец в тюрьме за оскорбление его высочества, моего возлюбленного ожидает женитьба на леди Мильфорд или проклятие и лишение наследства, — тут поневоле призадумался! Совершенная подлость есть тоже своего рода совершенство... Совершенство? Нет! Это еще не полная мера... Где моя мать?

Вурм. В рабочем доме.

Луиза (с горькой улыбкой). Переполнилась чаша, наполнилась... Теперь я свободна... У меня уже ничего не осталось: ни обязанностей, ни слез, ни радостей. Не осталось веры в божественный промысел. Все это мне уже не нужно... (В ужасе умолкает.) Может быть, у вас есть еще какие-нибудь вести? Говорите начистоту. Теперь я все могу выслушать.

Вурм. Что случилось — вы знаете...

Луиза. Но не знаю, что еще произойдет! (Молча оглядывает его с ног до головы.) Жаль мне тебя! Невеселое занятие ты себе выбрал, царства небесного оно тебе не откроет. Делать людям зло — само по себе чудовищно, но еще ужаснее — зловещей совою влетать к ним, приносить недобрые вести, смотреть, как обливающееся кровью сердце трепещет на железном стержне необходимости и как христиане теряют веру в провидение... Нет, боже избави! Даже если б за каждую слезу отчаяния, исторгнутую тобой, тебе давали бочку золота, я бы не хотела быть на твоём месте... Что же еще может случиться?

Вурм. Не знаю.

Луиза. Вы _не хотите_ знать?.. Эта ваша весть прячется от света и боится звуков голоса, но в мертвой тишине вашего взгляда предомноу встает призрак... Что же может быть еще? Вы только что сказали, что герцог намерен подвергнуть моего отца _суровому_ наказанию. Что вы называете _суровым_?

Вурм. Не спрашивайте больше ни о чем.

Луиза. Послушай! Ты, наверное, был подручным у палача. Иначе откуда бы у тебя взялось уменье медленно и верно проводить железом

по хрустящим суставам и томить сжимающееся сердце ожиданием последнего удара?.. Что грозит моему отцу? За словами, которые ты произносишь с усмешкой, стоит смерть. Что ты таишь в себе? Говори все. Выпусти весь свой смертоносный заряд. Что грозит моему отцу?

Вурм. Криминальный процесс.

Луиза. А что это такое? Я девушка необразованная, неученая, все эти ваши мудреные латинские слова меня только пугают. Что значит криминальный процесс?

Вурм. Суд на жизнь и смерть.

Луиза (твердо). Благодарю вас. (Быстро уходит в боковую комнату.)

Вурм (озадачен). Это еще что такое? Неужели эта дурочка... Черт возьми! А вдруг она... Пойду посмотрю... Ведь я за нее отвечаю. (Направляется к ней.)

Луиза (выходит в верхнем платье). Извините, господин секретарь. Я должна запереть комнату.

Вурм. Куда вы так спешите?

Луиза. К герцогу. (Хочет уйти.)

Вурм. Что? К кому? (В испуге старается ее удержать.)

Луиза. К герцогу. Вы разве не слышите? К тому самому герцогу, который хочет судить на жизнь и смерть моего отца... Нет, он не хочет, он вынужден его судить, потому что этого хотите вы, злодеи! Участие же герцога во всем этом, процессе об оскорблении его высочества сводится к тому, что он предоставляет в распоряжение судей свой высокий титул и свою княжескую подпись.

Вурм (с громким смехом). К герцогу!

Луиза. Я знаю, чему вы смеетесь. Но я на сострадание и не рассчитываю, боже меня сохрани! Только на нежелание... на нежелание слушать мои вопли. Говорят, что власть имущие до сих пор не научились понимать горе, что они и не хотят его понимать. Я открою герцогу, что такое горе, я буду корчиться в муках, — и он увидит, что такое горе; я буду терзать его слух душераздирающими стонами, — и он поймет, что такое горе. Когда же у него от этого зрелища волосы встанут дыбом, я громко крикну ему на прощанье, что в смертный час и у земных богов клокочет в груди и что Страшный суд и королей и нищих просеет в одном решете. (Направляется к выходу.)

Вурм (со злобной радостью). Идите, идите! Умнее вы ничего не могли придумать! Я советую вам идти, даю вам слово, что герцог исполнит вашу просьбу.

Луиза (вдруг останавливается). Что вы сказали? Вы советуете мне идти? (Быстро возвращается.) Ах! Что же я делаю? Уж если этот человек советует мне идти, значит, в этом есть что-то предосудительное... Почему вы думаете, что герцог исполнит мою просьбу?

Вурм. Потому что он этого не сделает даром.

Луиза. Не сделает даром? Какую же цену назначит он за доброе дело?

Вурм. Такая хорошенькая просительница — достаточно высокая цена.

Луиза (выйдя из столбняка, прерывающимся голосом). Боже праведный!

Вурм. Столь умеренная плата за спасение отца, смею думать, не покажется вам непосильной?

Луиза (ходит по комнате; вне себя). Да! Так! Все эти ваши земные владыки, словно мечами херувимов, защищены... защищены от правды своими пороками... Отец, да поможет тебе всевышний! Твоя дочь скорее умрет за тебя, нежели согрешит.

Вурм. Это будет полной неожиданностью для бедного, всеми оставленного узника. Он мне сказал: "Моя Луиза низринула меня в пучину зол, моя Луиза меня оттуда и вызволит..." Ваш ответ, мамзель, я передам ему незамедлительно. (Делает вид, что направляется к выходу.)

Луиза (бежит за ним и останавливает его). Куда вы? Постойте!.. Каким проворным сразу становится этот сатана, когда ему нужно довести людей до безумия!.. Я погубила отца, я же должна его и спасти! Скажите мне, посоветуйте, что я могу, что я должна сделать?

Вурм. Есть только одно средство.

Луиза. И это — _единственное_ средство?

Вурм. Ваш отец тоже вам советует...

Луиза. Мой отец тоже?.. Какое же это средство?

Вурм. Для вас это средство легкое.

Луиза. Для меня нет ничего тяжелее позора.

Вурм. К вам у нас только одна просьба: чтобы майор был свободен.

Луиза. Свободен от любви ко мне?.. Да вы издеваетесь надо мной? Вы спрашиваете, можно ли взять у меня то, что у меня уже отняли силой?

Вурм. Не в этом дело, милая барышня. Нужно, чтобы майор отступился первый, и притом добровольно.

Луиза. Он этого не сделает.

Вурм. Возможно. Но если бы это не зависело только от вас, зачем бы нам понадобилась ваша помощь?

Луиза. Но чем же можно оттолкнуть его от меня?

Вурм. Попробуем. Присядьте.

Луиза (в смятении). Что у тебя на уме?

Вурм. Присядьте. Пишите! Вот перо, бумага и чернила.

Луиза (крайне встревоженная, садится). Что я должна писать? Кому я должна писать?

Вурм. Палачу вашего отца.

Луиза. Как, однако, ты ловко умеешь истязать человеческую душу! (Берет перо.)

Вурм (диктует). "Милостивый государь..."

Луиза дрожащею рукою пишет.

"Прошло уже три мучительных дня... мучительных дня... как мы не видались".

Луиза (в изумлении, бросает перо). Кому это письмо?

Вурм. Палачу вашего отца.

Луиза. О боже!

Вурм. "Это все из-за майора... из-за майора... который по целым дням стережет меня, словно Аргус".

Луиза (вскакивает). Неслыханная подлость! Кому это письмо?

Вурм. Палачу вашего отца.

Луиза (ломая руки, ходит взад и вперед). Нет, нет, нет! Господи, что же это за пытка! Если человек тебя прогневал, карай его человечно, но зачем же ты ставишь меня между двумя страшными провалами? Зачем ты бросаешь меня от смерти к позору? Зачем ты

позволяешь сидеть у меня на шее этому кровожадному дьяволу?..
Делайте, что хотите. Я ни за что не стану писать.

Вурм (берется за шляпу). Как вам угодно, мадемуазель! Это всецело в вашей воле.

Луиза. В моей воле? Что вы сказали? В моей воле?.. Ты смеешься, варвар! Подвесь несчастного над адской бездной, проси его о чем-нибудь и злорадно нашептывай ему, что это в его воле... О, ты отлично знаешь, что наши родственные привязанности не вырвать из нашего сердца!.. А впрочем, все равно. Диктуйте дальше! Я больше вам ничего не скажу. Перед кознями ада я бессильна. (Снова садится.)

Вурм. "По целым дням стережет меня, словно Аргус..."
Написали?

Луиза. Дальше! Дальше!

Вурм. "Вчера у нас был президент. Трудно было удержаться от смеха при виде того, как бедный майор защищал мою честь..."

Луиза. Прекрасно! Прекрасно! Бесподобно! Продолжайте в том же духе!

Вурм. "Чтобы не расхохотаться, я притворилась, что мне дурно... что мне дурно..."

Луиза. О боже!

Вурм. "Но долго носить маску я не в силах... не в силах... Когда же я наконец избавлюсь от майора!.."

Луиза (перестает писать, поднимается и, низко опустив голову, точно что-то ищет на полу, начинает ходить по комнате, потом снова садится и пишет). "Избавлюсь от майора..."

Вурм. "Завтра он на службе... Заметьте, когда он уйдет от меня, и приходите в условленное место..." Написали "в условленное"?

Луиза. Все написала!

Вурм. "В условленное место к нежно любящей вас... Луизе".

Луиза. Теперь только адрес.

Вурм. "Господину гофмаршалу фон Кальбу".

Луиза. О мой создатель! Имя это столь же чуждо моему слуху, сколь чужды моей душе постыдные эти строки. (Встает и устремляет на письмо неподвижный взгляд. Затем, после продолжительного молчания, передает его секретарю; слабым, упавшим голосом.) Вот,

милостивый государь! Мое доброе имя, Фердинанд, счастье всей моей жизни — все это теперь в ваших руках... Я осталась нищей.

Вурм. Полно! Не унывайте, милая барышня! Мне от души вас жаль. Кто знает? Может статься... Я бы на некоторые вещи посмотрел сквозь пальцы... Ей-богу, право! Ведь мне же вас жалко...

Луиза (смотрит на него неподвижным, пронизывающим взглядом). Не договаривайте, милостивый государь. Вы накличете на себя беду.

Вурм (хочет поцеловать у нее руку). А что за беда, если я попрошу у вас эту прелестную ручку? Что вы на это скажете, милая барышня?

Луиза (гордо и грозно). Скажу, что задушила бы тебя в первую же брачную ночь, а затем с наслаждением отдала себя на колесование. (Направляется к выходу и сейчас же возвращается.) Все, милостивый государь? Теперь я вольная птица?

Вурм. Осталась сущая безделица, милая барышня. Вы пойдете со мной и дадите присягу, что написали это письмо по собственному желанию.

Луиза. Боже! Боже! И ты скрепишь своею печатью дело рук сатаны?

Вурм уводит ее.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Зал в доме президента.

Фердинанд фон Вальтер с распечатанным письмом в руке вбегает в одну дверь; в другую входит слуга.

Фердинанд. Маршала здесь не было?

Слуга. Господин майор! Вас просит к себе господин президент.

Фердинанд. Я тебя спрашиваю, черт возьми; маршала здесь не было?

Слуга. Его милость играет наверху в фараон.

Фердинанд. Хотя бы его милость играла с самим дьяволом, все равно пусть пожалует сюда!

Слуга уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Фердинанд, один, пробегает письмо и то мечется, как безумный, по комнате, то застывает на месте.

Фердинанд. Не может быть! Не может быть! В небесной оболочке не может скрываться сердце дьявола... И все же... и все же... если б даже все ангелы слетели с горней высоты и поручились за ее невинность, если б земля и небо, если б творение и сам творец единодушно поручились за ее невинность, то все же ото ее почерк. Неслыханный, чудовищный обман, какого еще не впало человечество!.. Вот почему она так упорно не хотела со мной бежать! Вот причина, боже мой! Теперь я прозрел, теперь мне все стало ясно! Вот почему она отказалась от моей любви, отказалась столь самоотверженно, что я чуть было не дался в обман этой личине ангела! (Все стремительнее мечется по комнате, затем опять останавливается в раздумье.) Так хорошо меня знать! Отзываться на каждое смелое движение чувства, па каждый легкий, робкий трепет, на каждый пламенный порыв... Угадывать мое душевное состояние по тонким, неуловимым оттенкам в голосе, понимать меня в каждой моей слезе, взбираться вместе со мной на головокружительные вершины страсти, оберегать меня от крутых обрывов... Боже! Боже! И все это одно притворство? Притворство! О, если ложь так искусно умеет перекрашиваться, почему же ни один бес до сих пор не пробрался в царство небесное?.. Когда я ей сказал, что наша любовь в опасности, с какой напускной естественностью побледнела эта притворщица! С каким победоносным достоинством отразила она дерзкую насмешку моего отца! А между тем в глубине души она же признавала, что она виновна!.. Но разве притворщица выдержала испытание огнем истины? Нет, она просто упала в обморок. Каким языком заговоришь ты теперь, чувствительное создание? Прелестницы тоже падают в обморок. Что ты скажешь в свое оправдание, невинное существо? Ведь и развратницы падают в обморок... Она знает, что она со мной сделала. Она видела насквозь мою душу. Когда я покраснел от первого поцелуя, мое сердце отразилось в моих глазах. Неужели в этот миг она ничего не почувствовала? Или, быть может, она

почувствовала гордость за свое искусство? Счастливый безумец, я воображал, что в ней заключено все небо, нечистые желания во мне умолкли, в мыслях у меня были только вечность и эта девушка... Боже! А она в это время ничего не чувствовала? Ничего не сознавала, кроме того, что ее дело идет на лад? Ничего, кроме своей неотразимости?.. Смерть и мщение!.. Ничего, кроме того, что ей удалось меня провести?

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Гофмаршал, Фердинанд.

Гофмаршал (семенит по комнате). Вы изъявили желание, мой драгоценнейший...

Фердинанд (про себя). Свернуть мерзавцу шею! (Вслух.) Послушайте, маршал: во время парада вы, по-видимому, выронили из кармана вот это письмо, а я (злобно смеясь), на свое счастье, его нашел.

Гофмаршал. Да что вы?

Фердинанд. Чистая случайность. Никто, как бог.

Гофмаршал. Вы меня пугаете, барон.

Фердинанд. Читайте! Читайте! (Отходит от него.) Если уж я не гожусь в любовники, то, может быть, из меня выйдет недурной сводник.

Гофмаршал читает, Фердинанд подходит к стене и снимает пару пистолетов.

Гофмаршал (бросает на стол письмо и собирается удрать). А, черт!

Фердинанд (тащит его назад). Не спешите, любезный маршал. Мне кажется, это письмо не содержит ничего неприятного. А теперь — нашедшему вознаграждение. (Показывает пистолеты.)

Гофмаршал (в ужасе пятится). Не теряйте разума, драгоценнейший!

Фердинанд (громким, повергающим в ужас голосом). Разума у меня более чем достаточно, чтобы такого мерзавца, как ты, отправить на тот свет! (Вкладывает ему в руку пистолет и вынимает носовой платок.) Нате! Держите платок! Мне его подарила любовница!

Гофмаршал. Через платок? Вы с ума сошли! Что это вам вздумалось?

Фердинанд. Держи тот конец, тебе говорят! Иначе же ты промахнешься, трус! Как он дрожит, этот трус! Ты еще должен бога

благодарить, трус, что в первый раз в жизни твоя пустая башка хоть чем-нибудь будет набита.

Гофмаршал хочет улизнуть.

Ни с места! Никто вас отсюда не выпустит. (Обгоняет его и запирает дверь.)

Гофмаршал. Как, барон, в комнате?

Фердинанд. А что же, к городскому валу с тобой для этого идти? Здесь, мой милый, треску будет больше, — по всей вероятности, это будет первый случай в твоей жизни, когда ты наделаешь шуму в обществе. Целься!

Гофмаршал (вытирает лоб). Но ведь вы же человек молодой, подающий надежды, неужели вам не дорога жизнь?

Фердинанд. Целься, тебе говорят! Мне больше нечего делать на этом свете.

Гофмаршал. А у меня дел выше головы, мой дражайший!

Фердинанд. У тебя, мразь? У тебя? Служить затычкой там, где все меньше становится настоящих людей? В одно мгновение семь раз сжаться и семь раз вытянуться, как жук на булавке? Аккуратнейшим образом записывать, когда и как подействовал желудок у твоего государя, и служить мишенью для его острот? С таким же успехом и я могу тебя всем показывать, как диковинного сурка. Словно ручная обезьяна, будешь ты танцевать под вой грешников, носить поноску, стоять на задних лапах и своими придворными фокусами смешить даже тех, кто впал в бевысходное отчаяние.

Гофмаршал. Все, что вам заблагорассудится, милостивый государь, все, что вам будет угодно... только уберите пистолеты!

Фердинанд. Полюбуйтесь на это чадо греха! Полюбуйтесь на этот позор шестому дню творения! Можно подумать, что, после того как он был сотворен всевышним, его переиздал тюбингенский книгопродавец!.. Жаль только, бесконечно жаль унцию мозга, которая зря пропадает в твоём пустопорожнем черепе! Взять бы эту единственную унцию и передать павиану, — может быть, ему только ее и недостает, чтобы стать человеком, а сейчас это всего лишь крохотная доля человеческого ума... И с этим ничтожеством я должен

делить ее сердце? Чудовищно! Немыслимо! Этот красавчик скорее создан отвращать от соблазна, а не вводить в искушение.

Гофмаршал. Слава тебе, господи! Он начинает острить.

Фердинанд. Нет, я его не трону! Щадим же мы гусениц, значит, можно пощадить и его. При встрече с ним иные только пожмут плечами и, уж верно, дадутся диву, сколь мудро распорядится небо: даже вот таких тварей оно хоть отбросами и подонками, а все-таки кормит; оно и ворону готовит трапезу на месте казни, и царедворца питает нечистотами коронованных особ. В конце концов нельзя не отдать должного миродержавной воле провидения, ибо оно даже среди существ, у которых есть душа, держит на жалованье медянок и тарантулов, чтобы было кому источать яд. Но пусть только (с новой яростью) ядовитое насекомое не подползает к моему цветку, иначе я его (схватывает маршала и немилосердно трясет) и так, и эдак, и вот так, живого места не оставлю!

Гофмаршал (тихонько охая). Господи! Как бы мне только ноги унести! За сто миль отсюда, хоть в Бисетр под Парижем, лишь бы подальше от него!

Фердинанд. Негодяй! Что, если ты ее уже совратил? Негодяй! Что, если ты уже наслаждался той, перед которой я благоговел? (В неистовстве.) Что, если ты прелюбодействовал там, где я ощущал себя богом? (Внезапно умолкает, затем снова — угрожающе.) Тогда, негодяй, беги лучше в ад, иначе мой гнев достигнет тебя и в раю! Как далеко зашел ты с этой девушкой? Признавайся!

Гофмаршал. Отпустите меня! Я вам все открою.

Фердинанд. О, с этой девушкой, уж верно, приятней развратничать, чем строить воздушные замки с другими! Так, значит, она просто распутница, так, значит, под мнимым душевным величием здесь скрывается низость, под напускной добродетелью — блуд? (Приставляет пистолет к сердцу маршала.) Как далеко ты зашел с ней? Признавайся, а не то спущу курок!

Гофмаршал. Не в чем, положительно не в чем! Запаситесь терпением хоть на минуту! Вы обмануты...

Фердинанд. И ты мне еще напоминаешь об этом, злодей? Как далеко ты зашел с ней? Признавайся, иначе тебе конец!

Гофмаршал. Mon Dieu! Боже мой! Ведь я же вам говорю... Выслушайте меня... Отец... родной отец...

Фердинанд (в исступлении). Свел свою дочь с тобой? И как далеко ты зашел с ней? Признавайся, или я тебя убью!

Гофмаршал. Вы вне себя. Вы ничего не слышите. Я ее никогда не видел. Я с ней незнаком. Я не имею о ней ни малейшего понятия.

Фердинанд (отступая). Ты ее не видел? Ты с ней незнаком? Ты не имеешь о ней ни малейшего понятия? Луиза Миллер из-за тебя погибла, а ты, не переводя дыхания, трижды от нее отрекаешься?.. Вон, подлец! (Наносит ему удар пистолетом и выталкивает из комнаты.) Для таких, как ты, еще не выдуман порох!

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фердинанд один.

Фердинанд (после долгого молчания, во время которого на его лице все явственнее проступает страшная мысль). Погиб! Да, несчастная! Я погиб. И ты тоже. Да, свидетель бог, если я, то и ты... Судия вселенной! Не требуй ее у меня! Девушка эта — моя. Я уступил тебе за нее весь мир, отказался от всего твоего дивного творения. Оставь мне эту девушку!.. Судия вселенной, к тебе взывают миллионы душ! Обрати на них свой сострадательный взор, судия вселенной, мне же предоставь действовать самому! (Складывает руки на груди; лицо его принимает грозное выражение.) Ужели всевластный, всеми обладающий творец не захочет расстаться с одной лишь душой, и к тому же еще худшей во всем его творении? Девушка эта — моя! Я был для нее богом, так буду и дьяволом! (Смотрит в одну точку жутким взглядом.) Целую вечность, сплетшись телами, провисеть с нею на колесе божьего проклятия... глаза в глаза... волоса у обоих дыбом... наши глухие стоны сливаются воедино... а я все твержу ей нежные слова... а я все повторяю ей ее же клятвы... Боже! Боже! Какое это страшное обручение, но зато вечное!..

Быстрыми шагами идет к выходу, навстречу ему президент.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Президент, Фердинанд.

Фердинанд (отступая). О! Мой отец!..

Президент. Как хорошо, что я тебя встретил, сын мой! Я шел сообщить тебе нечто приятное, и притом, мой милый сын, нечто совершенно для тебя неожиданное. Присядем?

Фердинанд (долго, пристально на него смотрит). Отец мой! (Не помня себя от волнения, бросается к нему и берет его за руку.) Отец мой! (Целует ему руку и опускается перед ним на колени.) О мой отец!

Президент. Что с тобой, сын мой? Встань! Руки у тебя горят и дрожат.

Фердинанд (в бурном приливе чувств). Простите мне мою неблагодарность, батюшка! Я гадкий человек. Я не ценил вашей доброты! Вы проявили ко мне истинно отеческую заботу... О, вы были так прозорливы!.. Но теперь уже поздно... Простите! Простите! Благословите меня, батюшка!

Президент (делает вид, что ничего не понимает). Встань, сын мой! Что с тобой нынче? Ты говоришь загадками!

Фердинанд. Луиза Миллер, батюшка... О, вы знаете людей!.. Ваш гнев был тогда так справедлив, так благороден, так отечески пылок, но только это пылкое отеческое чувство напало на ложный след... Луиза Миллер...

Президент. Не мучь себя, сын мой! Я проклинаю свою жестокость! Я пришел просить у тебя прощения.

Фердинанд. Просить у меня прощения?.. Меня надо проклясть! Вы были мудры в своей суровости. Вы были ангельски добры в своей жестокости... Луиза Миллер, батюшка...

Президент. Славная, честная девушка. Признаюсь, я судил о ней опрометчиво. Она заслужила мое уважение.

Фердинанд (пораженный, срывается с места). Как, и вы тоже?.. Батюшка, и вы?.. Не правда ли, батюшка, это сама невинность? Не правда ли, это так естественно — полюбить ее?

Президент. Скажи лучше, преступление не полюбить ее!

Фердинанд. Неслыханно! Чудовищно!.. А ведь вы насквозь видите сердца! К тому же вы смотрели на нее глазами ненависти!.. Поразительное лицемерие!.. Луиза Миллер, батюшка...

Президент. Достойна стать моей дочерью. Ее добродетель служит в моих глазах заменой знатности, ее красота — заменой богатства. Мои правила отступают перед твоей любовью... Отныне она твоя!

Фердинанд (в ужасе бежит из комнаты). Да что же это такое?.. Прощайте, батюшка! (Убегает.)

Президент (идет за ним). Постой! Постой! Куда ты? (Уходит.)

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Богато убранный зал в доме леди Мильфорд.
Входят леди и Софи.

Леди. Так ты ее видела? Она придет?

Софи. Сию минуту. Она была одета по-домашнему и хотела только наскоро переменить платье.

Леди. Не говори мне о ней ничего... Молчи... При одной мысли о том, что я увижу эту счастливицу, чувства которой находятся в такой ужасающей гармонии с моим сердцем, я трепещу, как преступница... Что же она тебе сказала в ответ на приглашение?

Софи. Она, как видно, была удивлена, призадумалась, впиалась в меня глазами и долго молчала. Я думала, она сейчас начнет отнекиваться, но она как-то странно на меня посмотрела и говорит: "Я сама хотела просить об этом завтра вашу госпожу".

Леди (в сильном волнении). Оставь меня, Софи. Пожалей меня. Мне придется краснеть, даже если она окажется обыкновенной женщиной; если же она женщина незаурядная, то это и вовсе меня убьет.

Софи. Однако, миледи, сегодня у вас не такое расположение духа, чтобы принимать соперницу. вспомните, кто вы. Призовите на помощь свой знатный род, свое звание, свою власть. Пусть ваше гордое сердце придаст еще больше величия вашей гордой красе.

Леди (в рассеянности). Что там болтает эта дурочка?

Софи (злобно). Ведь не случайно же на вас сегодня сверкают самые дорогие брильянты? Не случайно же на вас сегодня самые пышные ткани, ваша приемная битком набита гайдуками и пажамми, а бедную девушку, простую мешанку, собираются принимать в самом роскошном зале вашего дворца?

Леди (ходит взад и вперед; с досадой). Проклятье! Это несносно! У женщин всегда бывает рысья зоркость на женские слабости!.. Но как же низко, как же низко я пала, если даже такая тварь и та видит меня насквозь!

Камердинер (входит). Мамзель Миллер!..

Леди (к Софи). Прочь! Убирайся!

Софи медлит.

(Угрожающе.) Прочь! Я что сказала?

Софи уходит.

(Пройдясь по залу.) Это хорошо! Очень хорошо, что я в таком возбуждении! Этого мне и хотелось. (Камердинеру.) Попросите мамзель сюда.

Камердинер уходит. Леди бросается на софу и принимает важную и вместе с тем непринужденную позу.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Луиза Миллер робко входит и останавливается на большом расстоянии от леди. Леди поворачивается к ней спиной и внимательно рассматривает ее в стоящем напротив зеркале. Молчание.

Луиза. Что прикажете, сударыня?

Леди (поворачивается лицом к Луизе и с безучастным, отчужденным видом небрежно кивает ей). А, вы здесь?.. Вы, конечно, и есть мамзель... мамзель... в самом деле, как вас зовут?

Луиза (слегка задета). Моего отца зовут Миллер, а ваша милость посылала за его дочерью.

Леди. Верно! Верно! Я вспомнила... Дочь бедного скрипача, о вас недавно был разговор. (После некоторого молчания, про себя.) Очень мила, но совсем не красавица... (Луизе.) Подойдите ближе, дитя мое, (Про себя.) Эти глаза знают, что такое слезы... Как я люблю такие глаза! (Вслух.) Поближе, поближе... еще ближе... Милое дитя! Ты, должно быть, боишься меня?

Луиза (гордо и решительно). Нет, миледи. Я презираю суд толпы.

Леди (про себя). Подумаешь, какая!.. Видно, его заносчивость передалась и ей. (Вслух.) Мне вас рекомендовали, мамзель. Говорят, вы кое-чему обучены и умеете себя держать... Что ж, я готова этому поверить... Меньше всего хотела бы я изобличить во лжи вашего пламенного поклонника.

Луиза. У меня, миледи, нет никого, кто взял бы на себя труд найти мне покровительницу.

Леди (высокомерно). Взят на себя труд — ради кого? Ради своей протезе или ради покровительницы?

Луиза. Это мне непонятно, сударыня.

Леди. О, да она плутовка, хоть у нее и открытый взгляд! Вас зовут Луиза? А сколько вам лет, позвольте узнать?

Луиза. Исполнилось шестнадцать.

Леди (вскакивает). Вот оно! Шестнадцать лет! Первое биение страсти! Первый чистый звук, освящающий клавикорды, к которым

никто еще не прикасался, — что может быть привлекательнее? Садись! Ты мне нравишься, милая девушка... И у него это первая любовь, — так нет ничего удивительного, что лучи одной и той же утренней зари отыскивали друг друга. (Берет ее за руку, вполне дружелюбно.) Хорошо, деточка, я устрою твое счастье... Счастье — это не что иное... не что иное, как сладостная быстролетная греза... (Треплет Луизу по щеке.) Моя Софи выходит замуж. Ты поступишь на ее место... Шестнадцать лет! Это длится недолго...

Луиза (почтительно целует ей руку). Я вам очень признательна, сударыня, но от милости вашей принуждена отказаться.

Леди (с раздражением). Скажите, какая важная дама!.. Обыкновенно девушки вашего сословия почитают за счастье попасть в услужение к господам. На что же это вы, дорогая моя, рассчитываете? Или у вас такие нежные пальцы, что не выносят работы? Или вы оттого такая несговорчивая, что у вас хорошенькое личико?

Луиза. Я не виновата, сударыня, что у меня такое лицо, и не отвечаю за свое сословие.

Леди. Может быть, вам кажется, что вы вечно будете молоды? Бедняжка, кто тебе это внушил? Кто бы он ни был, он посмеялся и над тобой и над собой. Румянцу недолго рдеть на этих щеках. То, что представляется тебе в зеркале прочным и нерушимым, есть лишь тонкая золотистая пыльца, и рано или поздно она пристанет к рукам твоего поклонника. Что же мы будем делать тогда?

Луиза. Нам останется только пожалеть поклонника, миледи, раз он купил брильянт единственно из-за того, что ему показалось, будто оправа золотая.

Леди (делая вид, что она этого не слышала). У девушек вашего возраста всегда два зеркала: зеркало неподкупное и зеркало их вздыхателей, при этом послушная предупредительность второго смягчает суровую прямоту первого. Первое зеркало указывает на неприглядные оспины. "Какой вздор, — возражает второе, — это ямочки граций!" А вы, милые дети, верите первому лишь тогда, когда оно не расходится со вторым, и скачете от одного к другому до тех пор, пока свидетельские показания обоих не перепутаются у вас в голове... Что вы на меня так смотрите?

Луиза. Простите, сударыня, но мне стало жалко ваш чудный яркий рубин, он бы обиделся, если б узнал, что его обладательница так резко осуждает кокетство.

Леди (покраснев). Не увиливайте, плутовка! Если б вы не надеялись на свою наружность, разве вы когда-нибудь отказались бы от единственного места, где можно научиться хорошим манерам и узнать свет, где можно избавиться от мещанских предрассудков?

Луиза. И от мещанской невинности, миледи?

Леди. Пустое! Если мы сами не подадим повода, то ни один повеса ничего дурного о нас не подумает. Выкажите свои добродетели, блюдите свою честь, не роняйте своего достоинства, — и я вам ручаюсь, что ваша молодость устоит перед всеми соблазнами!

Луиза. Позвольте вам не поверить, сударыня. Дворцы знатных дам часто служат местом самых нескромных увеселений. Откуда у дочери бедного скрипача возьмется такая твердость духа, чтобы, очутившись там, где свирепствует чума, даже не испугаться заразы? Какой смысл леди Мильфорд вечно держать при себе скорпиона, жалящего ее совесть, какой ей смысл тратиться на такую роскошь — ежеминутно стогать со стыда?.. Я с вами откровенна, сударыня... Разве вам будет приятно видеть меня, когда вы отправитесь на бал? Разве не будет для вас нестерпимым мое присутствие, когда вы вернетесь домой?.. О нет, о нет, пусть лучше между нами лягут целые страны, пусть нас разделят моря!.. Берегитесь, миледи! Вдруг настанет час отрезвления, минута изнеможения, змеи раскаяния станут, быть может, терзать вашу грудь, и тогда что за пытка будет для вас видеть, что черты вашей служанки дышат тем безмятежным спокойствием, каким совесть вознаграждает непорочные души! (Отступив на шаг.) Еще раз, сударыня, очень прошу меня извинить.

Леди (в сильном душевном волнении ходит по комнате). Ужасно, что она говорит это мне! Еще ужаснее, что она права! (Подходит к Луизе и засматривает ей в лицо.) Нет, моя милая, тебе меня не провести! Так горячо мы не высказываем общих суждений. За этими нравоучениями скрывается личный интерес, интерес жгучий, — он-то и рисует тебе службу у меня такими темными красками, он-то и вдохновил тебя на эти речи (угрожающе), и я хочу понять, откуда он у тебя.

Луиза (тоном благородной сдержанности). Ну а если вы поймете? Ну а если небрежный удар ногой разбудит ничтожного червя, которому создатель даровал для защиты жало?.. Я не боюсь вашей мести, миледи. Несчастной грешнице, которую уже подвели к позорной плахе, терять нечего. Горе мое так велико, что моя откровенность ничего к нему не прибавит. (После недолгого молчания, очень строго.) Вы намерены вознести меня из праха моей низкой доли. Я не хочу вдумываться, чем заслужила я это странное благодеяние. Я хочу только спросить вас, миледи: почему вы думаете, что я настолько глупа, что буду стыдиться своего происхождения? По какому праву навязываетесь вы в устроительницы моего счастья и при этом даже не считаете нужным спросить меня, пожелаю ли я принять это счастье из ваших рук?.. С земными утехами я простилась навек. Я свыклась с мыслью о том, что счастье мое было скоротечно. Зачем же вы снова напоминаете мне о нем?.. Если даже сам господь скрывает светоносный свой лик от всей твари, дабы и старшие из серафимов не ужаснулись при виде его и сияние их не померкло, почему же люди хотят быть такими жестокими в своем милосердии? Отчего это, миледи, ваше пресловутое счастье так нуждается в том, чтобы ему дивилось и завидовало горе? Или для вашего блаженства требуется оправа отчаяния? О, не лишайте же меня моего неведения, — оно одно еще примиряет меня с моей жестокой судьбой!.. Насекомое блаженствует в капле воды, — она кажется ему царством небесным, наслаждается и блаженствует до тех пор, пока ему не расскажут об океане, где ходят караваны судов и плещутся киты. А ведь вы желали мне счастья? (После некоторого молчания вдруг подходит к леди и спрашивает ее в упор.) А вы-то счастливы, миледи?

Леди в смущении поспешно отходит от нее, Луиза идет за ней и кладет ей руку на грудь.

Или сердце ваше так же беспечно, как беспечно живется всей знати? Если бы нам предстояло поменяться сердцами и судьбами... и если б я по-детски доверчиво... если б я... на вашу совесть... если б я обратилась к вам, как к матери... вы бы посоветовали мне согласиться на этот обмен?

Леди (потрясенная, опускается на софу). Неслыханно! Непостижимо! Нет, девушка, нет! Это у тебя не врожденное величие, и его не мог внушить тебе отец, — в нем слишком много молодого задора. Не отпирайся. Я слышу голос другого учителя.

Луиза (проницательным и зорким взглядом смотрит ей в глаза). Мне странно, миледи, что вы только сейчас попали на след этого учителя, а взять меня в услужение решили раньше.

Леди (вскакивает). Это невыносимо! Играть с тобой в прятки бесполезно. Ну так слушай же! Я знаю, кто он, я знаю все, я знаю больше, чем хотела бы знать. (Внезапно останавливается, затем все более и более ожесточаясь и в конце концов доходя почти до неистовства.) Но только посмей, несчастная, посмей и теперь еще любить его или же быть любимой им!.. Да что я говорю? Посмей только думать о нем или же быть одною из его мыслей!.. Послушай, несчастная, я всеильна! Я могу быть беспощадной, клянусь тебе богом! Ты погибла!

Луиза (твердо). И безвозвратно, если только вы, миледи, принудите его любить вас.

Леди. Я понимаю тебя... Но мне и не нужна его любовь... Я поборю эту постыдную страсть, укрошу свое сердце и разобью твое. Я воздвигну между вами скалы и вырою пропасти, фурией пронесусь я по вашему небосклону, имя мое спугнет ваши поцелуи, как привидение спугивает преступника, твое молодое, пышущее здоровьем тело зачахнет в его объятиях и рассыплется, как мумия... Помни, жалкое существо: я не могу быть с ним счастлива, но уж и твоему счастью не бывать! Разрушать чужое блаженство — это тоже блаженство...

Луиза. Блаженство, которого вы уже лишились, миледи. Не взводите напраслины на свое же собственное сердце. Вы не способны обрушить на меня все то, чем вы грозите. Вы не способны мучить существо, которое не причинило вам никакого зла, разве только питало те же чувства, что и вы. Но за этот порыв я готова полюбить вас, миледи.

Леди (сделав над собой усилие). Что со мной? Что я сделала? В чем я себя выдала? Кому я себя выдала?.. О Луиза, возвышенная, великая, чудная душа! Прости меня, безумную! Я ни единого волоса не трону на тебе, дитя мое! Скажи, чего ты хочешь! Требуй! Я буду

носить тебя на руках, стану твоей подругой, твоей сестрой... Ты из бедной семьи... Гляди же! (Срывает с себя несколько брильянтов.) Я продам эти драгоценности, платья, лошадей, экипажи... Все, все — для тебя... Только отрекись от него!

Луиза (в изумлении отступает). Что же она, издевается над моею истерзанною душою или же она в самом деле непричастна к этому злодейству?.. О, если так, то я могу еще изобразить героиню и вменить себе в заслугу собственное бессилие! (Задумывается на несколько секунд, затем подходит к леди, берет ее за руку и вперяет в нее сосредоточенный и многозначительный взгляд.) Берите его себе, миледи!.. Я добровольно уступаю вам человека, которого адскими крючьями оторвали от моего израненного сердца... Вы, миледи, сами того, может быть, не подозревая, уничтожили рай двух влюбленных, вы разъединили сердца, которые сочетал господь, вы растоптали человеческое существо, которое ему было так же дорого, как и вы, которое он создал на радость, как и вас, которое славил его, как и вы, но теперь уже славить не будет... Леди! Слух вседержителя улавливает и последние содрогания раздавленного червя. Творец не может равнодушно видеть, как убивают сотворенные им души. Теперь он ваш! Теперь, миледи, берите его себе! Бросайтесь в его объятия! Ведите его к алтарю... Но помните, что, как скоро вы и он под венцом сомкнете уста в поцелуе, мгновенно вырастет между вами призрак самоубийцы... Господь меня не осудит... У меня больше выхода нет! (Убегает.)

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Леди, одна, ошеломленная, смятенная, стоит, устремив неподвижный взгляд на дверь, в которую выбежала Луиза Миллер, и долго не может прийти в себя.

Леди. Что это было? Как все это произошло? Что говорила эта несчастная?.. О боже! Мне все еще терзают слух ее грозные, звучащие как обвинительный приговор, слова: "Берите его себе!.." Кого, несчастная? Дар твоего предсмертного стога, дышащее ужасом завещание твоего отчаяния? Боже, боже! Ужели я так низко пала, так стремительно низверглась со всех престолов моей гордыни... и вот теперь томительно ожидаю, что в своем великодушии бросит мне нищенка, вступившая со мною в последнюю смертельную схватку?.. "Берите его себе!" Она произнесла это таким тоном и так при этом на меня посмотрела... Ах, Эмилия, для того ли ты поборолась в себе слабости, присущие твоему полу, для того ли ты старалась завоевать себе почетное и прекрасное имя британской женщины, чтобы пышные хоромы твоей доброй славы не устояли пред высокой добродетелью безвестной девушки из простой мещанской семьи?.. Нет, злосчастливая гордячка, нет! Эмилию Мильфорд можно пристыдить, но она никогда не доведет себя до позора! Я соберу все свое мужество и устранись. (С величественным видом ходит взад и вперед.) Ну так прочь от меня, кроткая, страдающая женщина! Развейтесь, отрадные сны, сны золотые любви! Великодушие — вот с этих пор единственный мой вожатай!.. Одно из двух: или влюбленная эта чета погибнет, или леди Мильфорд прекратит свои домогательства и уйдет навсегда из жизни герцога. (После непродолжительного молчания, с живостью.) Свершилось!.. Страшное препятствие преодолено, расторгнуты все узы между мною и герцогом, да и та бешеная страсть тоже вырвана из моего сердца!.. В твои объятия бросаюсь я, добродетель! Прими раскаявшуюся дочь твою Эмилию!.. О, как хорошо у меня сейчас на душе! Как стало мне вдруг легко, как мне свободно дышится!.. Подобно заходящему солнцу, царственно-спокойно сойду я ныне с высоты моего величия, слава моя умрет вместе с моею любовью. Одно лишь сердце мое будет сопутствовать мне в гордом этом изгнании.

(Решительным шагом подходит к письменному столу.) С этим надо покончить сейчас же, немедленно, пока еще чары милого юноши не начали вновь беспощадной борьбы в моем сердце. (Садится и пишет.)

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Леди, камердинер, Софи, потом гофмаршал и, наконец, слуга.

Камердинер. Гофмаршал фон Кальб с поручением от герцога дожидается в передней.

Леди (с увлечением продолжает писать). Как подпрыгнет эта коронованная марионетка! Еще бы! Затея преуморительная, есть от чего расколоться герцогскому черепу. Воображаю, как забегают придворные льстецы! Вся страна всполошится.

Камердинер и Софи. Миледи, гофмаршал!..

Леди (оборачивается). Кто? Что такое?.. Тем лучше! Такие, как он, рождены быть вестовщиками... Попросите его войти.

Камердинер уходит.

Софи (робко приближается к леди). Простите за беспокойство, миледи...

Леди продолжает писать с еще большим увлечением.

Луиза Миллер не помня себя бежала через переднюю... У вас, миледи, лицо пылает... Вы сами с собой говорите.

Леди продолжает писать.

Я боюсь... Что между вами произошло?

Входит гофмаршал и отвешивает спине леди Мильфорд тысячу поклонов; леди его не замечает, тогда он подходит ближе, становится за ее креслом, ловит край ее платья, целует его и робко сюсюкает.

Гофмаршал. Его высочество...

Леди (присыпает письмо песком и перечитывает написанное). Он, конечно, скажет, что это с моей стороны черная неблагодарность... Я была одна в целом свете. Он спас меня от нищеты. От нищеты?.. Отвратительная сделка! Разорви свой счет, соблазнитель! Вечная краска моего стыда оплачивает его с излишком.

Гофмаршал (безуспешно обежав леди Мильфорд со всех сторон). Я вижу, вы сегодня что-то рассеянны, миледи... В таком случае я вынужден взять на себя смелость... (Очень громко.) Его высочество прислал меня узнать у вас, миледи, устраивать ли сегодня вечером увеселения в городском саду или же давать немецкую комедию?

Леди (встает, со смехом). Либо то, либо другое, мой ангел!.. А пока что преподнесите герцогу на десерт вот эту записку! (К Софи.) Вели запрягать, Софи, и позови сюда всю мою прислугу.

Софи (в смятении уходит). Ах, боже мой! Не к добру это! Что бы это значило?

Гофмаршал. Вы взволнованы, моя достопочтеннейшая?

Леди. Тем больше правды будет в моих словах... Ура, господин гофмаршал! Вакансия свободна. Сводникам теперь раздолье. (Заметив, что гофмаршал подозрительно поглядел на записку.) Прочтите, прочтите! Я из этого ни для кого не делаю тайны.

Гофмаршал читает вслух. Тем временем в глубине сцены собираются слуги леди Мильфорд.

Гофмаршал. "Милостивый государь! Вы были так неосторожны, что нарушили наш договор, и теперь меня ничто уже здесь не держит. Благоденствие вашей страны было условием нашей связи. Обман продолжался три года. Наконец пелена спала с моих глаз. Мне претят ваши милости, орошенные слезами ваших подданных. Подарите свою любовь, на которую я больше не могу отвечать взаимностью, вашей несчастной стране, и пусть британская герцогиня научит вас быть милосердным к немецкому народу. Через час я буду уже за границей. Иоганна Норфольк".

Вся прислуга (в полном недоумении перешептывается). За границей?

Гофмаршал (в ужасе кладет письмо на стол). Боже меня упаси, моя драгоценнейшая и достопочтеннейшая! За такое послание ни той, кто его писала, ни тому, кто его передаст, не сносить своей головы.

Леди. Это уж как тебе угодно, золото мое! К сожалению, мне хорошо известно, что у тебя и у таких, как ты, язык отнимается при одном упоминании о том, как поступили другие!.. Я бы на твоём месте запекла эту записку в паштет из дичи, с тем чтобы его высочество нашёл её у себя на тарелке.

Гофмаршал. Ciel! {Боже! (франц.)} Какая дерзость!.. Да вы только взвесьте, вы только подумайте, леди, в какую вы впадёте немилость!

Леди (повернувшись к собравшейся прислуге, растроганно). Вы поражены, друзья мои, и со страхом ждёте, чем разрешится эта загадка... Подойдите ко мне поближе, мои дорогие!.. Вы служили мне верой и правдой не из одной лишь корысти, на повиновение мне смотрели как на своё призвание, моими милостями гордились. Жаль только, что память о вашей преданности будет для меня неразрывно связана с воспоминанием о моём унижении! Как это грустно, что мои самые чёрные дни оказались для вас счастливейшими! (Со слезами на глазах.) Я отпускаю вас, дети мои... Леди Мильфорд более не существует, а Иоганна Норфольк слишком бедна, чтобы содержать вас. Пусть мой казначей поделит между вами все, что есть в этой шкатулке. Дворец останется герцогу. Самый бедный из вас уйдёт отсюда богаче, нежели его госпожа. (Протягивает руки; слуги наперебой с жаром целуют их.) Милые вы мои, я разделяю ваши чувства!.. Прощайте! Прощайте навсегда! (Пересилив себя). Вот уже и карета подъехала. (Вырывается от них и идёт к выходу, ей преграждает дорогу гофмаршал.) Ты всё ещё здесь, богом обиженное существо?

Гофмаршал (все это время с растерянным видом смотрел на письмо). И эту записку я должен передать в собственные его высочества руки?

Леди. Да, богом обиженное существо, в собственные его высочества руки. И доведи до собственных его высочества ушей, что если я не дойду босиком до Лоретского монастыря, то наймусь в поденщицы, лишь бы смыть с себя позор моей связи с ним. (Быстро уходит.)

Все расходятся в сильном волнении.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Комната в доме музыканта. Вечерние сумерки.

Луиза, уронив голову на руки, неподвижно сидит в самом темном углу комнаты. Долгое и глубокое молчание. Входит Миллер; в руках у него фонарь; с тревожным видом начинает он водить фонарем по всей комнате, затем, так и не разглядев Луизы, кладет шляпу на стол, а фонарь ставит на пол.

Миллер. И здесь ее нет. И здесь тоже... Я обегал все закоулки, побывал у всех знакомых, расспрашивал возле всех городских ворот, — никто не знает, где мое дитя. (После некоторого молчания.) Потерпи, бедный, несчастный отец! Подожди до утра. Утром, может статься, мою единственную дочь прибьет к берегу... Господи! Господи! Пусть даже я ее боготворил больше, чем должно, наказание слишком сурово... Слишком сурово, отец небесный! Я не ропщу, отец небесный, но наказание слишком сурово. (В глубоком унынии опускается на стул.)

Луиза (из своего угла). Так, так, бедный старик! Привыкай заранее к утрате.

Миллер (вскакивает). Это ты, дитя мое? Ты? Почему же ты одна, впотьмах?

Луиза. Нет, я не одна. Когда вокруг меня становится совсем темно, ко мне приходит мой самый дорогой гость.

Миллер. Бог с тобой! Только червь нечистой совести бодрствует вместе с совами. Света боятся грехи и злые духи.

Луиза. Да еще вечность, отец, беседующая с человеческой душой без посредников.

Миллер. Дитя мое! Дитя мое! Что ты говоришь?

Луиза (выходит из своего угла). Я выдержала суровое испытание. Господь дал мне силу. Ныне испытание это пришло к концу. Нас, женщин, принято считать нежными и слабыми созданиями. Не верь этому, отец. Мы вздрагиваем при виде паука, но страшное чудище —

тление — мы с улыбкой принимаем в свои объятия. Запомни это, отец. Твоя Луиза весела.

Миллер. Знаешь, дочь моя, я бы предпочел, чтобы ты выла! Так бы мне было спокойнее.

Луиза. Уж я его перехитрю, отец! Уж я проведу этого тирана! Злоба не так лукава и отважна, как любовь, — человек со зловещей звездой на груди этого не знал... О, они хитроумны до тех пор, пока им приходится иметь дело только с головой, а стоит им столкнуться с сердцем — и злодеи мгновенно глупеют!.. Он надеялся, что присяга укрепит его обман. Присяга связывает живых, отец, а смерть расплавляет и железные цепи таинств. Фердинанд поймет, что Луиза ему верна. Пожалуйста, отец, передай эту записку! Будь так добр!

Миллер. Кому, дочь моя?

Луиза. Станный вопрос! Всей бесконечности и моему сердцу не вместить одной-единственной мысли о нем. Кому же мне еще писать?

Миллер (с беспокойством). Знаешь что, Луиза? Я распечатаю письмо.

Луиза. Как хочешь, отец. Только ты в нем ничего не поймешь. Там буквы лежат окоченелыми трупами и оживают лишь для очей любви.

Миллер (читает). "Тебя ввели в обман, Фердинанд! Беспремерная подлость расторгла союз наших сердец, страшная клятва заградила мне уста, и к тому же еще твой отец всюду расставил своих соглядатаев. Если же у тебя достанет мужества, мой возлюбленный, я знаю третье место, где не связывает никакая присяга и куда не проникнуть ни одному из его соглядатаев. (Прерывает чтение и внимательно смотрит ей в глаза.)

Луиза. Что ты на меня так смотришь, отец? Прочти до конца.

Миллер. "Но ты должен быть мужественным, и ты пройдешь темный путь, который никто тебе не озарит, кроме твоей Луизы и господ бога. Ты должен быть весь любовь — и только любовь, должен оставить все свои надежды, все кипение страстей, — ты должен взять с собою только свое сердце. Если согласен, пускайся в путь, как скоро колокол кармелитского монастыря пробьет двенадцать. Если же убоишься, вычеркни слово "сильный", определявшее твой пол, ибо тебя пристыдила девушка". (Кладет записку, долго смотрит прямо перед собой скорбным, неподвижным взглядом и наконец

поворачивается к Луизе; тихим, сдавленным голосом.) Что это за третье место, дочь моя?

Луиза. Ты разве не знаешь? Правда, не знаешь, отец? Странно! Я его обозначила точно. Фердинанд непременно найдет.

Миллер. Гм!.. Не понимаю.

Луиза. Сейчас я еще не могу подыскать для него ласкового названия. Не пугайся, отец, если я назову его именем, неприятном для слуха. Это место... О, зачем имена не придумывала любовь! Самое лучшее она дала бы ему. Третье место, мой милый папенька... только дайте мне договорить до конца... третье место — могила.

Миллер (шатаясь, идет к креслу). Господи!

Луиза (подходит к нему и поддерживает его под руку). Не бойтесь, отец! Наводит страх только самое слово. Отбросьте его. и глазам вашим откроется брачное ложе, — утро расстилает над ним свой золотой покров, весна украшает его разноцветными гирляндами. Одни лишь великие грешники могут обзывать смерть скелетом, — это прелестный, очаровательный розовощекий мальчик, вроде того, каким изображают бога любви, только он не такой коварный, — нет, это тихий ангел: он помогает истомленной страннице-душе перейти через ров времени, отмыкает ей волшебные чертоги вечной красоты, приветливо кивает ей головою и — исчезает.

Миллер. О чем ты толкуешь, дочь моя? Ты хочешь наложить на себя руки?

Луиза. Это не то, отец. Уйти из мира, где я была гонимой, перенестись туда, куда меня так неодолимо влечет, — разве это грех?

Миллер. Самоубийство — самый тяжкий грех, дитя мое, единственный незамолимый грех, — в нем смерть и злодейство подают друг другу руку.

Луиза (в оцепенении). Ужасно!.. Но ведь это не так скоро произойдет. Я брошусь в реку, отец, и, погружаясь на дно, буду молить бога простить меня.

Миллер. Это все равно как если ты сознаешься в воровстве, а между тем награбленное будет у тебя схоронено в надежном месте. Ах, дочка, дочка! Смотри, не смейся над богом, — сейчас он тебе особенно нужен. О, ты и так уже слишком далеко от него ушла! Ты совсем перестала молиться, вот он, милосердный, и отступился от тебя!

Луиза. Значит, любовь — преступление, отец?

Миллер. Люби господа, и любовь никогда не доведет тебя до преступления... Ты меня совсем пригнула к земле, моя единственная, совсем, совсем, — может, мне уже и не встать... Нет, нет, не буду больше, я тебя только расстраиваю... Дочка! У меня тут давеча нечаянно вырвалось... Я был уверен, что я один. Ты все слышала, да и к чему мне сейчас от тебя таиться? Ты была моим кумиром. Послушай, Луиза, если ты еще хоть чуточку любишь своего отца... Ведь ты же была для меня всем!.. Ты не одной себе принадлежишь. С тобой я тоже все теряю. Гляди, волосы-то у меня седеют. Ко мне незаметно подкралось то время, когда нам, отцам, становится нужен капитал, который мы некогда поместили в сердца наших детей... Неужто ты меня обманешь, Луиза? Неужто ты скроешься с последним достоянием твоего отца?

Луиза (глубоко тронута; целуя ему руку). Нет, отец! Я оставлю мир великой твоею должницей, но в жизни вечной я верну тебе долг с излишком.

Миллер. Смотри, дитя мое, не обещай заранее! (Проникновенно и торжественно.) Кто знает, свидимся ли мы еще там?.. Вот ты и побледнела! Моя Луиза сама понимает, что мне на том свете ее не догнать: ведь я не стремлюсь попасть туда спозаранку.

Луиза в ужасе бросается к нему в объятия, он крепко прижимает ее к груди.

(Умоляюще.) О дочь моя, дочь моя! Падшая, быть может, уже погибшая дочь! Выслушай завет своего отца! Мне за тобой не уследить. Я у тебя нож отберу ты вязальную иглу схватишь. Я от тебя яд спрячу — ты на низке бисера удавишься. Луиза, Луиза! Я могу только предостеречь тебя. Неужто тебя не пугает, что несбыточная твоя мечта рассеется, едва лишь ты очутишься на страшном мосту, что перекинут от Времени к Вечности? Неужто ты дерзнешь, представ перед престолом всевышнего, солгать: "Я здесь ради тебя, мой создатель!" — и в это время грешными очами искать земную свою утеху? А вдруг этот бранный кумир души твоей, теперь такой же ничтожный червь, как и ты, ползая у ног твоего судии, изобличит в этот решительный миг бессовестную твою ложь и предоставит тебе,

обманутой во всех своих ожиданиях, одной молитвой творца о милосердии, которое этот злосчастный и себе-то едва ли вымолит, — что тогда? (Громче и настойчивее.) Что тогда, горе ты мое? (Еще крепче прижимает ее к своей груди, смотрит на нее сосредоточенным, пронизывающим взглядом, затем внезапно отстраняется.) Больше мне тебе сказать нечего... (Воздев правую руку.) Царю мой и боже мой! Я за эту душу более пред тобой не отвечаю. (Луизе.) Делай что хочешь. Принеси своему красавцу жертву, которой возрадуется искушающий тебя бес и из-за которой от тебя отступится твой ангел-хранитель. Иди! Возьми на себя все свои грехи, возьми и этот, последний и самый страшный, и если бремя покажется тебе легким, то положи еще сверху мое проклятие... Вот нож... Пронзи свое сердце и... (плача навзрыд, бросается к выходу) и сердце своего отца!

Луиза (срывается с места и бежит за ним). Папенька! Постой! Постой! О, нежность бывает еще жесточе и самовластней тиранства! Что мне делать? Я больше не могу! Как мне быть?

Миллер. Если поцелуи твоего возлюбленного жгут сильнее, чем слезы отца, — что ж, тогда умри!

Луиза (после мучительной внутренней борьбы, довольно твердо). Отец! Вот тебе моя рука! Я хочу... Боже мой! Боже мой! Что я делаю? Чего я хочу?... Клянусь тебе, отец... Горе мне, горе! Я кругом виновата... Будь по-твоему, отец!.. Свидетель бог, вот так... вот так я уничтожу последнюю память о Фердинанде! (Разрывает письмо.)

Миллер (не помня себя от радости, обнимает ее). Узнаю мою дочь! Смотри! Ты отреклась от возлюбленного, но зато осчастливила отца. (Смеется сквозь слезы и прижимает ее к себе.) Дитя мое! Дитя мое! Нет, я никогда не был достоин тебя! И за что это мне, такому дурному человеку, господь послал такого ангела!.. Луиза, утешение мое!.. Господи! Я в сердечных делах не знаток, но как больно вырывать из сердца любовь — это-то уж я понимаю!..

Луиза. Но только прочь из этого края, отец! Прочь из этого города, где подруги надо мной смеются и где опорочено мое доброе имя! Прочь, прочь от тех мест, где все мне напоминает об утраченном блаженстве! Дальше, дальше, как можно дальше!..

Миллер. Куда хочешь, дитя мое! По милости божией хлеб всюду растет, и господь пошлет мне охотников послушать мою игру. Да, да, пропадай все пропадом, а мы уедем! Я переложу на музыку сказание

о твоём злосчастье, я спою песнь о дочери, из любви к отцу разбившей свое сердце, с этой балладой мы будем ходить от двери к двери, и нам не горько будет принимать подаянье от тех, у кого она вызовет слезы.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же и Фердинанд.

Луиза (первая замечает его и, вскрикнув, бросается в объятия отца). Боже! Вот он! Я погибла!

Миллер. Где? Кто?

Луиза (отвернувшись, кивает в сторону майора и еще теснее прижимается к отцу). Он. Это он! Оглянись, отец! Убить меня, — вот зачем он пришел!

Миллер (увидев Фердинанда, отступает). Как? Вы здесь, барон?

Фердинанд медленно приближается, останавливается прямо против Луизы и вперяет в нее пристальный, проникающий в душу взор.

Фердинанд (после молчания). Застигнутая врасплох совесть, благодарю тебя! Ты сделала чудовищное признание, зато скорое и правдивое, — мне незачем прибегать к пытке... Добрый вечер, Миллер!

Миллер. Скажите, ради бога, барон, что вам здесь нужно? Зачем вы сюда пришли? Чем объяснить это ваше вторжение?

Фердинанд. Прежде в этом доме отсчитывали секунды до встречи со мной, прежде здесь тоска по мне повисала на гирях медлительных стенных часов, прежде здесь с нетерпением ожидали, когда же наконец колебание маятника предвозвестит мой приход. Почему же теперь я появляюсь неожиданный?

Миллер. Уходите, уходите, барон! Если в вашем сердце осталась еще хоть искра милосердия, если вы не хотите умертвить ту, которую вы будто бы любите, то бегите отсюда, не медлите ни секунды! Как только вы переступили порог моей хижины, благодать божья от нее отлетела. Вы накликали беду на мой кров, а прежде здесь царила радость. И вам все еще мало? Вам непременно хочется растравить раны, которые злополучное знакомство с вами нанесло единственному моему ребенку?

Фердинанд. Вы чудак, отец! Ведь я же пришел сообщить вашей дочери приятную новость!

Миллер. Опять надежды, а потом снова отчаяние? Уходи! Ты всегда приносишь несчастье! Выражение твоего лица ничего доброго не предвещает.

Фердинанд. Предел моих желаний наконец достигнут! Леди Мильфорд, самое грозное препятствие для нашей любви, только что уехала за границу. Отец одобряет мой выбор. Судьба улыбается нам. Счастливая звезда наша восходит. Я верен своему обещанию: сейчас поведу мою невесту к алтарю.

Миллер. Ты слышишь, дочь моя? Слышишь, как он плумится над несбывшимися твоими надеждами?.. Что ж, продолжайте, барон! Обольстителю так оно и подобает, — истощайте свое остроумие по случаю вами же содеянного преступления!

Фердинанд. Ты думаешь, я шучу? Клянусь честью, нет! Слово мое истинно, как любовь моей Луизы, и я исполню его так же свято, как соблюдает она свои клятвы, — я не знаю ничего более священного, чем ее клятвы... Ты все еще сомневаешься? На ланитах моей прелестной супруги все еще не вспыхнул румянец счастья? Странно! Значит, ложь в этом доме — ходячая монета, если правду здесь ни во что не считают. Вы не доверяете моим словам? Так поверьте же этому письменному доказательству! (Бросает Луизе ее письмо к гофмаршалу.)

Луиза разворачивает письмо и, смертельно побледнев, падает без чувств.

Миллер (не замечая этого, майору). Что это значит, барон? Я вас не понимаю.

Фердинанд (подводит его к Луизе). Зато она поняла меня прекрасно!

Миллер (склоняется над ней). О боже! Дочь моя!

Фердинанд. Бледна как смерть!.. Вот сейчас твоя дочь мне нравится! Никогда еще не была так прекрасна твоя благочестивая, твоя добродетельная дочь, как в это мгновение, когда у нее помертвело лицо. Дуновение Страшного суда, снимающее лоск со всякой лжи, стерло с этой великой мастерицы румяна, которые даже духов света

ввели в заблуждение. Это лучшее из выражений ее лица! Впервые предо мною подлинный ее лик! Дай мне поцеловать ее. (Хочет нагнуться.)

Миллер. Назад! Прочь! Не бреди ты моего родительского сердца, мальчишка! Я не оградил ее от твоих ласк, но уж от надругательств твоих я ее защитить сумею.

Фердинанд. Отстань от меня, несносный старик! Мне до тебя нет дела! Не лезь ты в эту игру, тем более что она явно проиграна! Впрочем, может быть, ты хитрее, чем я думал? Уж не помогал ли ты шестидесятилетним своим опытом дочкиным шашням, уж не опозорил ли ты почтенные свои седины ремеслом сводника? О, если это не так, тогда ложись и умирай, горемыка! Время еще есть. Ты еще можешь безмятежно почить, утешая себя сладостным самообманом: "Я был счастливым отцом!" Еще мгновение — и ты швырнешь эту ядовитую гадину, это исчадие ада туда, откуда она приползла, ты проклянешь и самый дар, и того, кто тебе его послал, и, богохульствуя, сойдешь в могилу. (Луизе.) Отвечай, несчастная! Ты писала это письмо?

Миллер (Луизе, предостерегающе). Дочь моя, ради бога! Не забудь! Не забудь!

Луиза. О мой отец, это письмо...

Фердинанд. Попало не по адресу? Да будет же благословен Случай, — он совершал такие дела, какие и не снились умствующему рассудку, и на Страшном суде он сумеет оправдаться лучше, нежели хитроумие всех мудрецов... Ну конечно, Случай!.. О, без воли божией и воробей не упадет на землю, отчего же Случаю не подвернуться там, где нужно сбросить личину с дьявола?.. Я жду ответа! Ты писала это письмо?

Миллер (не отходя от Луизы, умоляюще). Смелей, дочь моя! Смелей! Скажи только "да" — и дело с концом.

Фердинанд. Забавно! Забавно! Отец — и тот обманут! Все обмануты. Посмотри, даже у нее, потерявшей совесть, язык не повернется выговорить эту последнюю ложь! Поклянись грозным всеправедным судьей! Ты писала это письмо?

Луиза (после мучительной внутренней борьбы, во время которой она бросала вопросительные взгляды на отца, твердо и решительно). Да, я.

Фердинанд (от ужаса замирает на месте). Луиза! Нет! Клянусь моей душой, ты лжешь! Сама невинность сознается под пыткой в злодеяниях, о которых она и не помышляла. Я задал тебе вопрос в слишком резкой форме. Ведь правда, Луиза, ты призналась только потому, что я был с тобой слишком резок?

Луиза. Я созналась в том, что было на самом деле.

Фердинанд. Да нет же, нет же, нет! Это не ты писала. Это совсем не твоя рука. А если б даже и твоя, то разве подделать почерк труднее, чем разбить сердце? Скажи мне правду, Луиза... или нет, нет, не говори! Скажешь — и я погиб... Ну солги, Луиза, ну солги! Если б ты сумела с самым невинным, ангельским видом солгать мне сейчас, убедить мой слух и зрение, подло обмануть мое сердце, в тот же миг, Луиза, вся правда покинула бы мир, а добру пришлось бы, точно придворному низкопоклоннику, гнуть свою непокорную выю! (Робко, дрожащим голосом.) Ты писала это письмо?

Луиза. Да, клянусь грозным всеправедным судьей!

Фердинанд (после некоторого молчания, с глубокой скорбью). О женщина, женщина! С каким лицом стоишь ты сейчас передо мной! Предлагай ты с таким лицом райское блаженство, у тебя не найдется покупателей даже среди осужденных на вечную муку... Знала ли ты, Луиза, чем ты была для меня? Нет! Не может быть! Ты не знала, что ты была для меня _всем, всем!_ Как будто бы жалкое, ничего не значащее слово, а между тем его не вместить и самой вечности. Целые миры движутся в нем по своим орбитам... _Все!_ И так преступно этим играть?... Ужасно!

Луиза. Вы выслушали мое признание, господин фон Вальтер. Я сама себя осудила. А теперь уходите! Оставьте дом, где вам причинили столько огорчений!

Фердинанд. Хорошо, хорошо! Ведь я же спокоен... Спокоен, говорят, и тот земной край, над которым пронеслась чума... Так же точно и я... (Подумав.) Еще одна просьба, Луиза... последняя! У меня голова горит, точно я в лихорадке. Хочется чего-нибудь прохладительного. Принеси мне, пожалуйста, стакан лимонаду.

Луиза уходит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Фердинанд, Миллер.

Долгое время оба молча ходят из угла в угол.

Миллер (наконец останавливается и печально смотрит на майора). Дорогой барон! Быть может, вам станет легче, если я вам скажу, что мне вас глубоко жаль?

Фердинанд. Довольно об этом, Миллер! (Снова прохаживается.) Миллер! Я не могу вспомнить, как я попал к вам в дом, по какому случаю?

Миллер. По какому случаю, господин майор? Вы же хотели учиться играть на флейте. Разве вы забыли?

Фердинанд (живо). Я увидел вашу дочь!

Молчание.

Вы не сдержали своего слова, мой друг! Вы обещали мне, что наши уроки будут происходить в уединении и спокойствии. Вы обманули меня — вы продавали мне скорпионов. (Видя, что Миллер взволнован.) Полно, старик, не печалься! (Растроганный, обнимает его.) Ты не виноват ни в чем!

Миллер (утирая слезы). Господь видит!

Фердинанд (мрачно задумавшись, снова начинает ходить по комнате). Непонятно, до странности непонятно с нами играет бог! На тонких, незаметных нитях часто висят непомерные тяжести. О, если бы человек знал, что, вкусив от этого плода, он вкусит смерть! Да, если б он знал!.. (Быстро ходит взад и вперед, затем, в сильном волнении, берет Миллера за руку.) Старик! Мне слишком дорого стоили те два-три урока на флейте, которые ты мне дал!.. Впрочем, и ты ничего не выигрываешь... Ты тоже теряешь... теряешь, быть может, все. (Удрученный, отходит от него.) Не в добрый час вздумалось мне учиться играть на флейте!

Миллер (стараясь не показать своего волнения). Что-то долго нет лимонада. Пойду посмотрю... Вы уж меня извините...

Фердинанд. Спешить некуда, дорогой Миллер. (Про себя.) Особенно отцу... Побудьте со мной!.. О чем бишь я хотел вас спросить?.. Да! Луиза — ваша единственная дочь? Кроме нее, у вас нет детей?

Миллер (с нежностью). Кроме нее, у меня никого нет, барон... Да мне больше никого и не надо. Такой девушки, как она, вполне достаточно, чтобы завладеть всем моим родительским сердцем. Сколько было во мне любви, я всю ее потратил на дочь.

Фердинанд (потрясен до глубины души). О!.. Будьте любезны, добрейший Миллер, узнайте насчет лимонада.

Миллер уходит.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фердинанд один.

Фердинанд. Единственное дитя!.. Сознаешь ли ты это, убийца? Единственное! Слышишь, убийца? Единственное! У этого человека на всем божьем свете только и есть что его инструмент и его единственное... И ты хочешь его отнять? Отнять у нищего последний грош? Сломать костыли и швырнуть их калеке под ноги? Как же так? Неужели у меня хватит на это духу? Вот он спешит домой, с нетерпением ожидая, когда же наконец увидит он свою ненаглядную дочь, вот он входит, а она лежит — увядший, мертвый, по злому умыслу растоптанный цветок, последняя, единственная его надежда, никогда не изменявшая ему... И вот он все стоит над ней, все стоит, и ему не хватает воздуха, и его отсутствующий взор напрасно обнимает вдруг опустевшую для него вечность, ищет бога и уже не может обрести его, и, еще более опустошенный, возвращается вспять... Боже! Боже! Ведь и у моего отца единственный сын... Единственный сын, но все же не единственное его сокровище...

Молчание.

Впрочем, что же это я? Кого теряет старик? Может ли девушка, для которой священное чувство любви всего лишь игрушка, составить счастье отца?.. Не может! Нет, не может! Я хорошо сделаю, что раздавлю гадину, пока она и родного отца еще не успела ужалить.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Миллер, Фердинанд.

Миллер (входя). Сейчас подадут, барон. Бедняжка сидит и горько плачет. Она даст вам напиток своих слез вместе с лимонадом.

Фердинанд. Если бы только слез!.. Мы с вами говорили о музыке, Миллер. (Достает кошелек.) Я у вас до сих пор в долгу.

Миллер. Да ну! Да что! Эх, барон, оставьте! За кого вы меня принимаете? За вами не пропадет, а вы уж меня не обижайте, — поди, не в последний раз мы с вами видимся нынче.

Фердинанд. Ничего не известно. Возьмите, возьмите! Все мы под богом ходим.

Миллер (смеясь). Ну вот еще! Насчет смерти, барон, за вас, я думаю, бояться не приходится.

Фердинанд. Бояться есть чего. Разве вы не знаете, что юноши тоже умирают, — девушки и юноши, эти мертворожденные надежды, неосуществившиеся мечты обманутых отцов?.. Кому не грозят ни болезни, ни старость, тех часто убивает наповал удар грома... Ваша Луиза тоже не бессмертна...

Миллер. Она мне послана богом.

Фердинанд. Не прерывайте меня... Повторяю, она не бессмертна. Для вас только и свету в оконце что ваша дочь. Вы привязались к своей дочери всем сердцем и всей душой. Это опасно, Миллер! Только доведенный до отчаяния игрок ставит все на одну карту. Шальною головой называем мы купца, который все свое достояние грузит на одно судно. Советую вам над этим подумать... Что же вы не берете денег?

Миллер. Как, сударь? Весь этот туго набитый кошелек? Что же это такое, ваша милость?

Фердинанд. Мой долг — вот это что такое! (Бросает кошелек на стол с такой силой, что по столу рассыпаются золотые монеты.) Надоел мне этот мусор!

Миллер (поражен). Господи Иисусе! Серебро так не звенит. (Подходит к столу; в ужасе.) Что это? Барон, барон, ради всего

святого! Бог с вами, барон! И что вы только делаете? Вот что значит рассеянность! (Всплеснув руками.) Да ведь тут... или я рехнулся, или это... вот как бог свят, самое настоящее, неподдельное, чистое червонное золото!.. Отвяжись, сатана! Не на такого напал!

Фердинанд. Вы что сегодня пили — старое или молодое вино?

Миллер (грубо). А, чтоб вас! Да вы что, не видите?.. Золото!

Фердинанд. Ну и что же?

Миллер. Черт возьми! Я же вам говорю, я же вам всеми святыми клянусь золото!

Фердинанд. Да, правда! Вещь неплохая.

Миллер (немного помолчав, подходит к нему; решительно). Сударь! Я человек простой, откровенный; если вы хотите втянуть меня в какое-нибудь некрасивое дело, потому как за что-нибудь хорошее таких больших денег, ей-ей, не дадут...

Фердинанд (растроган). Успокойтесь, дорогой Миллер! Такие большие деньги вы давно уже заработали честным трудом, а подкупать вашу чистую совесть — упаси бог, мне это и в голову не приходило!

Миллер (прыгает как сумасшедший). Так, значит, они мои! Мои! С ведома и согласия господ бога! (Подбегает к двери и кричит.) Жена! Дочь! Ура! Идите сюда! (Возвращается.) Боже милостивый! Как же это на меня нежданно-негаданно свалилось такое несметное богатство? Чем я его заслужил? Чем я за него отплачу? А?

Фердинанд. Только не уроками музыки, Миллер... Этими деньгами я вам плачу (внутренне содрогнувшись), я вам плачу (помолчав, с грустью) за тот счастливый сон, в каком целых три месяца являлась мне ваша дочь.

Миллер (схватывает его руку и крепко пожимает). Ваша милость! Будь вы простым, незаметным мещанином (живо) и не полюби вас моя девчонка, да я бы ее заколол своими руками! (Приближается к кошельку с деньгами; вдруг помрачнеет.) Ну, вот теперь у меня все, а у вас ничего... Стало быть, выходит, я должен все-таки отказаться от своего счастья? Так, что ли?

Фердинанд. Не беспокойтесь, друг мой! Я уезжаю, а в стране, где я собираюсь поселиться, деньги этой чеканки не имеют хождения.

Миллер (впился глазами в золото; в полном восторге). Стало быть, оно останется у меня? У меня?.. Жаль только, что вы уезжаете...

Посмотрели бы, какой я стану важный, как буду нос задирать! (Надевает шляпу и козырем проходит по комнате.) Стану давать уроки музыки только в самых богатых домах, стану курить табак "Три короля" номер пять... Я не я буду, если не брошу свои грошовые заработки! (Направляется к выходу.)

Фердинанд. Постойте! Замолчите и спрячьте деньги! (С расстановкой.) Помолчите только этот вечер. И доставьте мне удовольствие — с этого дня не давайте больше уроков музыки.

Миллер (хватает Фердинанда за жилет; весь сияя, еще восторженнее). А дочка, дочка-то моя, сударь! (Отпускает его.) Для мужчины деньги — тьфу, деньги — тьфу! Картофель, рябчик — мне все едино, — наелся, и ладно; вот этот сюртук я готов таскать до самой смерти, только бы на локтях не светился. Для меня это чепуха. Но девчонке все эти блага вот как нужны! Теперь я ей так в глаза и буду смотреть: чего ни захочешь — пожалуйста...

Фердинанд (живо прерывает его). Замолчите! О, замолчите!

Миллер (с еще большим воодушевлением). Она у меня и по-французски выучится как следует, и менуэт танцевать, и петь, — да так, что про нее и в газетах напечатают. Чепчик у нее будет, какой только дочке надворного советника под стать, будет у нее и кидебарри, или как он там называется — и пойдет молва о дочери скрипача по всей округе!

Фердинанд (в страшном волнении схватывает его за руку). Довольно! Довольно! Ради создателя, замолчите! Помолчите только сегодня! Иной благодарности я от вас не требую.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Те же и Луиза с лимонадом.

Луиза (подает майору стакан на тарелке; дрожащим голосом, с покрасневшими от слез глазами). Скажите, если недостаточно крепок.

Фердинанд (берет стакан, ставит его на стол и живо оборачивается к Миллеру). Да, чуть было не забыл! Можно вас попросить об одной вещи, дорогой Миллер? Окажите мне одну маленькую услугу!

Миллер. Хоть тысячу! Что прикажете?

Фердинанд. Дома меня будут ждать к ужину. А я, увы, в прескверном расположении духа. Показаться на люди для меня сейчас просто невыносимо. Сходите, пожалуйста, к моему отцу и извинитесь за меня.

Луиза (испуганная, живо перебивает). Нет, лучше я!

Миллер. К президенту?

Фердинанд. К нему самому не надо. Передайте то, что я вас прошу, кому-нибудь из слуг в швейцарской. Вот вам мои часы — в доказательство, что вы от меня. Я подожду вас здесь... Без ответа не уходите.

Луиза (сильно оробев). А разве мне нельзя?

Фердинанд (Миллеру, который собирается уходить). Погодите, еще не все! Вот письмо к моему отцу, мне его сегодня передали в запечатанном виде... Может быть, это что-нибудь срочное. Отдайте заодно и его.

Миллер. Слушаюсь, барон!

Луиза (повисает на руке отца; не помня себя от страха). Отец! Я бы отлично со всем этим справилась.

Миллер. Куда ты, дочка, на ночь глядя пойдешь одна? (Уходит.)

Фердинанд. Посвети отцу, Луиза!

Луиза берет свечу и идет проводить отца. Фердинанд в это время подходит к столу и бросает яд в стакан с лимонадом.

Да, час ее настал! Настал! Высшие силы дают мне на это свое грозное соизволение, суд божий — за меня, ангел-хранитель от нее отлетел.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Фердинанд, Луиза.

Луиза со свечой в руке медленно возвращается, ставит свечу на стол, потупившись останавливается на противоположной от майора стороне сцены и лишь по временам, боязливо и робко, искоса на него поглядывает. Фердинанд стоит на другой стороне сцены и смотрит прямо перед собой. Перед началом этой сцены царит долгое молчание.

Луиза. Если вы, господин фон Вальтер, желаете сыграть со мною вместе, то я охотно сяду за фортепьяно. (Поднимает крышку.)

Фердинанд не отвечает. Пауза.

За вами еще проигранная партия в шахматы. Не желаете ли отыгратся, господин фон Вальтер?

Молчание.

Господин фон Вальтер! Я вам обещала вышить бумажник... Так вот, я уже начала... Не желаете ли посмотреть узор?

Молчание.

Я так несчастна!

Фердинанд (не меняя позы). Вполне возможно.

Луиза. Я плохо вас занимаю, господин фон Вальтер, но я в этом не виновата.

Фердинанд (с презрительным смехом). О, разумеется, во всем виновата моя дурацкая скромность!

Луиза. Я знала, что нам теперь нельзя оставаться вдвоем. Дело прошлое: когда вы услали отца, мне стало страшно... Господин фон Вальтер! Мне кажется, нам обоим будет невыносимо тяжело вместе. Позвольте мне привести кого-нибудь из моих знакомых!

Фердинанд. Отчего же! А я приведу своих.

Луиза (смотрит на него с недоумением). Господин фон Вальтер...

Фердинанд (крайне язвительно). Ничего умнее и не придумаешь в таких обстоятельствах, честное слово! Мы превратим наш мрачный дуэт в приятное времяпрепровождение и обменом любезностей вознаградим себя за злые шутки любви.

Луиза. Вы что-то в игривом расположении духа, господин фон Вальтер.

Фердинанд. Я сегодня до того шаловлив, что как бы все уличные мальчишки не побежали за мной! Нет, правда, Луиза! Твой пример заразителен. Будь моею наставницей! Дураки те, что болтают о вечной любви. Вечное однообразие приедается, перемена — вот единственный источник наслаждения!.. Твоя правда, Луиза! Давай заключим союз. Будем с тобою порхать от романа к роману, валяться то в одной грязной луже, то в другой, — ты здесь, я там... Быть может, я вновь обрету утраченный покой в одном из веселых домов; быть может, после такого презабавного бега наперегонки мы, два иссохших скелета, столкнемся вторично, что явится для нас обоих в высшей степени приятной неожиданностью, и, подобно героям комедий, найдя друг в друге черты семейного сходства, признаем, что мы чада единой матери, и вот тогда-то чувства гадливости и стыда образуют наконец ту гармонию, которая оказалась не под силу нежной любви.

Луиза. О юноша, юноша! Ты и так несчастен, зачем же ты еще стараешься доказать, что ты это заслужил?

Фердинанд (злбно цедит сквозь зубы). Я несчастен? Кто тебе сказал? Ты бессердечная женщина, ты не знаешь страданий, как же ты можешь понять страдания другого человека?.. Она говорит, что я несчастен? О, это слово могло бы привести меня в ярость, даже если б я лежал в могиле! Она знала, что я буду несчастен! Смерть ей и вечная мука. Знала и все же изменила мне... Слушай, змея! Ты еще могла вымолить у меня прощение, но ты сама себя погубила. До сих пор я еще мог объяснять совершенное тобой преступление твоею наивностью, мое презрение чуть было не спасло тебя от моей мести. (Порывистым движением берет со стола стакан.) Значит, ты не ветреная, глупая девчонка — ты сам сатана! (Пьет.) Этот выдохшийся лимонад — точь-в-точь как твоя душа. Попробуй!

Луиза. О боже! Недаром я так боялась этого свидания!

Фердинанд (повелительным тоном). Попробуй!

Луиза неохотно берет стакан и пьет. Как только она подносит стакан ко рту, Фердинанд внезапно бледнеет, отворачивается и поспешно отходит в дальний угол комнаты.

Луиза. Лимонад хорош.

Фердинанд (не оборачиваясь, охваченный ужасом). На здоровье!

Луиза (ставит стакан на стол). О, если б вы знали, Вальтер, как жестоко оскорбляете вы мою душу!

Фердинанд. Гм!

Луиза. Придет время, Вальтер...

Фердинанд (снова приближается к ней). О, с временем мы покончили!

Луиза...когда воспоминание о сегодняшнем вечере камнем ляжет вам на сердце...

Фердинанд (не может найти себе места — мечется по комнате, сбрасывает с себя шарф и шляпу). Прощай, служба!

Луиза. Боже! Что с вами?

Фердинанд. Мне жарко, душно... Так будет легче.

Луиза. Выпейте лимонаду! Выпейте лимонаду! Ведь он охлаждает!

Фердинанд. О да, меня он охладит навеки!.. У этой потаскушки доброе сердце! Впрочем, все они таковы!

Луиза (в бурном порыве любви устремляется к нему и хочет обнять его). И ты это говоришь своей Луизе, Фердинанд?

Фердинанд (отстраняет ее). Прочь! Прочь! Прочь от меня, этот умильный, исполненный неги взор! Я слабею под ним. Явись мне во всей своей чудовищной лютости, змея! Бросайся на меня, ползучая тварь! Выставь напоказ свои отвратительные кольца, вознеси к небу свои позвонки! Покажись во всем том безобразии, в каком когда-то видела тебя преисподняя! Только не надо этого ангельского вида! Теперь уже не надо этого ангельского вида! Поздно! Или я раздавлю тебя, как гадину, или с ума сойду от отчаяния!.. Пощади меня!

Луиза. О, зачем все это так далеко зашло!

Фердинанд (смотрит на нее сбоку). Какое дивное творение небесного ваятеля! Кто бы подумал... Да и как можно было подумать? (Берет ее руку и поднимает вверх.) Я не призываю тебя к ответу, создатель, но все же отчего твой яд разлит по таким дивным сосудам? Как может порок таиться за этими чертами, дышащими ангельскою добротой? Непостижимо!

Луиза. Каково слушать все это — и молчать!

Фердинанд. И этот сладкий, нежный голос... Возможно ли, чтоб эти струны звучали так волшебно? (Вперяет в нее восхищенный взор.) Все в ней так прекрасно, так совершенно, так полно божественной гармонии! Кажется, будто господь создал ее в миг наивысшего вдохновения! Право, можно подумать, будто вселенная только для того и возникла, чтобы творец на радостях создал еще и этот перл! Значит, бог допустил оплошность, только когда создавал ее душу? Ужели возмутительный этот урод появился на свет безупречным? (Отпрянув от нее.) Или, увидев, что из-под его резца выходит ангел, творец решил исправить ошибку и сгоряча дал ей наихудшее сердце?

Луиза. О, злостный упрямец! Ему легче богохульствовать, чем признаться в своей опрометчивости.

Фердинанд (страстно рыдая, бросается к ней в объятия). Еще раз, Луиза! Еще раз, как в день нашего первого поцелуя, когда ты прошептала: "Фердинанд!" — и когда твои пылающие уста впервые вымолвили слово "ты"... О, тогда казалось, что в этом мгновении, словно в почке, заложены семена бесконечных, несказанных радостей! Тогда перед нашими очами, словно роскошный майский день, простиралась Вечность, века золотые, разубранные, как невесты, проносились перед умственным нашим взором... Тогда я был счастлив! О Луиза, Луиза, Луиза, зачем ты так со мной поступила?

Луиза. Плачьте, плачьте, Вальтер! Горюйте обо мне, но не возмущайтесь, — так будет справедливее.

Фердинанд. Ты ошибаешься. Это не те слезы, не та теплая, целительная роса, что льется бальзамом на душевные раны и снова приводит в движение остановившееся колесо страсти. Это — скупые, холодные капли, это — леденящее душу последнее "прости!" моей любви. (Положив руку ей на голову, необычайно торжественно.) То слезы о душе твоей, Луиза, слезы о том, что небо не простерло над тобой до конца неизреченной своей милости, что оно так своенравно

обошлось с лучшим своим созданием... О, все божье творение, потрясенное тем, что в нем происходит, должно бы, кажется, облачиться в траур! Гибнут люди, исчезают эдемы, — все это для нас не ново, но когда чума свирепствует среди ангелов, траур должен быть объявлен во всей природе.

Луиза. Не доводите меня до крайности, Вальтер! Душевной твердости у меня не меньше, чем у всякой другой, и все же Душа моя способна выдержать только такое испытание, которое не превышает человеческих сил. Еще одно слово, Вальтер, и затем расстанемся... Жестокий жребий наш мешает нам излить друг другу всю душу. Если б я посмела раскрыть уста, Вальтер, я могла бы тебе рассказать... я могла бы... Но враждебный рок сковал мне уста, как сковал он и нашу любовь, и вот сейчас ты обращаешься со мной, как с продажной девкой, а я должна терпеть.

Фердинанд. Ты хорошо себя чувствуешь, Луиза?

Луиза. Почему ты спрашиваешь?

Фердинанд. Мне было бы жаль тебя, если бы ты ушла отсюда с этой ложью.

Луиза. Вальтер! Я заклинаю вас...

Фердинанд (в сильном волнении). Нет, нет! Такая месть была бы достойна сатаны! Нет! Боже меня сохрани! Я не хочу переносить это в мир иной... Луиза! Ты любила маршала? Тебе уже не уйти из этой комнаты.

Луиза. Спрашивайте, что хотите. Я вам больше ничего не отвечу. (Садится.)

Фердинанд (строго). Подумай о своей бессмертной душе, Луиза!.. Ты любила маршала? Тебе уже не уйти из этой комнаты.

Луиза. Я вам больше ничего не отвечу.

Фердинанд (в страшном волнении падает перед ней на колени). Луиза! Ты любила маршала? Прежде чем догорит эта свеча, тебя призовет на суд сам господь бог!

Луиза (в ужасе вскакивает). Сыне божий! Что же это?.. И правда — ох, как мне стало худо! (Снова опускается в кресло.)

Фердинанд. Уже?.. Беда с вами, женщины, — вечная вы загадка! Ваши слабые нервы выдерживают такие преступления, которые подтачивают самые основы человеческого общества, а крошечная доза мышьяка повергает вас наземь...

Луиза. Яд! Яд! Господи Иисусе!

Фердинанд. Боюсь, что так. В твой лимонад положили приправу бесы. Ты выпила его в честь смерти.

Луиза. Умереть! Умереть! Владыка всемилостивый! Яд в лимонаде! Смерть! Боже, спасителю наш, спаси мою душу!

Фердинанд. Это сейчас самое главное. Я тоже об этом молюсь.

Луиза. А моя мать? Мой отец? Боже, избавитель мира! Мой бедный отец он этого не переживет! Ужели мне нет спасения? Так молода — и спасения нет? И уже сейчас — туда?

Фердинанд. Спасения нет — тебе уже сейчас придется уйти туда. Не беспокойся, мы совершим это путешествие вместе.

Луиза. И ты, Фердинанд? Значит, яд — это ты, Фердинанд? Боже, прости ему! Милосердный боже, отпусти ему этот грех!

Фердинанд. Своди с ним свои счета, — боюсь, что они у тебя запутаны.

Луиза. Фердинанд! Фердинанд! О, теперь я уже не стану молчать! Смерть... смерть разрешает все клятвы!.. Фердинанд! Более несчастного существа, чем ты, нет ни на небе, ни на земле. Я умираю безвинная, Фердинанд!

Фердинанд (в страхе). Что она сказала! Разве кто-нибудь берет с собой ложь в такую дорогу?

Луиза. Я не лгу. Я не лгу. Я солгала только раз за всю жизнь... Брр! Как мне стало вдруг холодно!.. Солгала, когда писала письмо гофмаршалу...

Фердинанд. Вот, вот! Письмо! Слава богу! Теперь ко мне вернулось все мое мужество.

Луиза (коснеющим языком, судорожно подергивая пальцами). Это письмо... Возьми себя в руки, сейчас ты услышишь страшное признание. Моя рука писала то, что проклинали мое сердце... Это письмо продиктовал мне твой отец.

Фердинанд стоит неподвижно, как статуя, затем, после долгого гробового молчания, точно громом пораженный, падает на пол.

Это все печальное недоразумение!.. Фердинанд! Меня заставили... Прости... Твоя Луиза предпочла бы умереть... Но мой

отец... Угроза... Они действовали ловко.

Фердинанд (в ужасе вскакивает). Слава богу, я еще не чувствую в себе яда! (Выхватывает шпагу.)

Луиза (слабея с каждым мгновением, опускается на пол). Ох! Что ты задумал? Ведь он твой отец...

Фердинанд (вне себя от ярости). Убийца он и отец убийцы! Я увлеку его за собой, дабы гнев вечного судии пал на истинного виновника. (Устремляется к выходу.)

Луиза. Спаситель наш, умирая, прощал... Храни вас господь — тебя и его!.. (Умирает.)

Фердинанд (подбегает к ней, видит ее последнее, предсмертное движение и в порыве отчаяния простирается ниц перед умершей). Помедли! Помедли! Не улетай от меня, ангел небесный! (Берет ее руку и сейчас же опускает.) Холодная, холодная и влажная рука! Душа ее — там! (Поднимается с полу.) Господь моей Луизы, помилуй! Помилуй подлеящего из убийц! Это была последняя ее мольба!.. Она и в смерти все так же чарующе прекрасна! Ангел мщения, тронутый ласковым ее выражением, пощадил ее... Кротость ее — не личина, иначе ее сбросила бы смерть.

Молчание.

Но что же это? Почему я ничего не чувствую? Или тут берет свое молодость? Тщетные усилия! Я все равно не поддамся. (Берет стакан.)

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

Фердинанд. Президент, Вурм и слуги в страхе вбегают в комнату; затем появляется Миллер и приводит с собой народ и полицию, — те группируются на заднем плане.

Президент (с письмом в руках). Сын мой, да что же это? Я никогда не поверю...

Фердинанд (бросает стакан к его ногам). Вот, смотри, убийца!

Президент отшатывается. Все застывают на месте. Грозное молчание.

Президент. Сын мой! Зачем ты так со мной поступил?

Фердинанд (не глядя на него). Ну конечно, я должен был сначала осведомиться у государственного мужа, не спутает ли мой ход его карт!.. Вы задумали расторгнуть союз наших сердец, распалив во мне ревность, — право, нельзя не подивиться подобному хитросплетению! Расчет был верен. Вот только ослепленная гневом любовь — это все же не то, что деревянная кукла: она не повинуется проволоке.

Президент (растерянно обводит глазами присутствующих). Неужели здесь нет никого, кто бы заплакал над безутешным отцом?

Миллер (кричит за сценой). Пустите меня! Бога ради! Пустите!

Фердинанд. Эта девушка — святая! Ответ за нее вам придется давать Другому. (Распахивает дверь.)

Врывается Миллер с толпой народа и полицейскими.

Миллер (полный ужаса). Дитя мое! Дитя мое! Яд! Я слышал, здесь кто-то принял яд! Дочь моя! Где ты?

Фердинанд (ставит его между президентом и трупом Луизы). На мне вины нет. Благодарю его.

Миллер (бросается на труп дочери). Боже мой!

Фердинанд. Только два слова, отец! Они недешево будут мне стоить... У меня воровски похищена жизнь, похищена вами. Сейчас я трепещу так, как если бы я стоял пред лицом Божиим, — ведь я же

никогда не был злодеем. Какой бы удел ни достался мне в жизни вечной — вам достанется иной. Но я совершил убийство (угрожающе повысив голос), убийство, и ты не можешь от меня требовать, чтобы я один шел с этой ношей к всеправедному судии. Большую и самую страшную ее половину я торжественно возлагаю на тебя. Донесешь ты свою ношу или нет — это уж дело твое. (Подводит его к Луизе.) Смотри, изверг! Насладись чудовищным плодом своего хитроумия! На этом искаженном мукою лице написано твое имя, и ангелы мщениа его прочтут... Пусть ее тень отдернет полог в тот миг, когда ты вкушаешь сон на своем ложе, и протянет тебе свою руку, холодную, как лед! Пусть ее тень возникнет пред очами твоей души, когда ты будешь умирать, и оборвет последнюю твою молитву! Пусть ее тень станет у твоей могилы в час воскресения мертвых — и перед самим богом, когда ты явишься на его суд! (Лишается чувств.)

Слуги поддерживают его.

Президент (объятый ужасом, воздевает руки к небу). Судия всеправедный! Не я, не я в ответе пред тобой за эти души, а вот кто! (Направляется к Вурму.)

Вурм (вздрагивает). Я?

Президент. Ты, окаянный! Ты, сатана! Ты, ты подал мне убийственный этот совет! Ты всему виной, — я умываю руки.

Вурм. Я всему виной? (Отвратительно хохочет.) Занятно! Занятно! По крайней мере, я узнал, как черти умеют благодарить за услуги... Я всему виной, глупый злодей? Да разве это был мой сын? Разве я имел право тебе приказывать?.. Я всему виной? И ты мне это говоришь в такую минуту, когда от одного вида этой девушки холод пробирает меня до костей? Так вся вина ложится на меня?.. Пусть я сейчас погибну, но вместе со мною и ты! Эй, люди! Люди! Кричите на всех перекрестках: "Убийство!" Разбудите судебные власти! Стража, вяжи меня! Уведите меня отсюда! Я открою такие тайны, что тех, кто будет слушать меня, мороз подерет по коже. (Направляется к выходу.)

Президент (останавливает его). Не смей, безумец!

Вурм (похлопывает его по плечу). Еще как посмею, дружище! Я обезумел, то правда, — это ты меня свел с ума. Вот я и буду вести себя

как сумасшедший! Об руку с тобою на эшафот! Об руку с тобою в ад!
Мне льстит, что я буду осужден вместе с таким негодяем, как ты!

Вурма уводят.

Миллер, лежавший до сих пор в немом отчаянии, уронив голову на грудь Луизы, вдруг вскакивает и бросает кошелек к ногам майора.

Миллер. Отравитель! Вот тебе твоё проклятое золото! И ты смел думать, что купишь на него мое дитя? (Выбегает из комнаты.)

Фердинанд (прерывающимся голосом). Бегите за ним! Он сам не свой... Деньги отдайте ему... Это страшное вознаграждение ему от меня... Луиза! Луиза! Я иду!.. Прощайте!.. Дайте мне умереть у этого алтаря...

Президент (выйдя из тягостного оцепенения, сыну). Сын мой Фердинанд! Ужели ни единым взглядом не порадуешь ты отягченного скорбью отца?

Майора кладут рядом с Луизой.

Фердинанд. Последний мой взор — милосердному богу!

Президент (с выражением нестерпимой муки опускается перед ним на колени). Творение и сам творец оставляют меня... Ужели единый взгляд твой последняя моя отрада — не упадет на меня?

Фердинанд протягивает ему свою холодеющую руку.

(Быстрым движением поднимается с колен.) Он меня простил! Теперь — берите меня! (Уходит в сопровождении стражи.)

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

Коварство и любовь (Kabale und liebe)

Из трех написанных прозой юношеских драм Шиллера — "Разбойники", "Заговор Фиеско" и "Коварство и любовь" — последняя сценически самая живучая, наиболее популярная. Энгельс назвал "Коварство и любовь" "первой немецкой политически-тенденциозной драмой" {"К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве". М., "Искусство", 1967, с. 5.}. С еще небывалой в немецкой литературе силой в ней отражен трагизм тогдашней жизни народа в расколоте на сотни карликовых государств Германии. Уродливыми, отвратительными, низменными называл молодой Шиллер картины жизни герцогства Вюртембергского (настоящего, хотя нигде в пьесе не названного места ее действия). В письме к библиотекарю Райнвальду Шиллер, упомянув про "готическое смешение комического и трагического" в его драме, пишет про "откровенное изображение различных всемогущих самодуров", правивших немецкими землями по ничем и никем не сдерживаемому произволу. Многие вюртембергцы могли бы прямо назвать того герцогского фаворита, который, подобно министру-президенту, отцу Фердинанда, пришел к власти, оклеветав своего предшественника. А одна из фавориток герцога якобы тщетно умоляла герцога Вюртембергского отказаться от весьма доходной продажи солдат иностранным державам, — их продавали на убой (и не в одном Вюртемберге) — тысячами!

Подзаголовок пьесы: "бюргерская трагедия", то есть трагедия из жизни горожан, мещан — довольно сложного по своему составу социального конгломерата, вне которого находились дворяне, духовенство и крестьяне. Мещанская драма к 80-м годам XVIII века была развитым литературным жанром с традиционными, разнообразно разработанными сюжетами. Формированию этого жанра в немецкой литературе способствовали иностранные образцы вроде знаменитой английской драмы Лилло "Лондонский купец" и "семейных драм" великого французского просветителя Дени Дидро ("Отец семейства" и "Побочный сын"). Огромным было влияние на нее романов англичанина Ричардсона и романа Жан-Жака Руссо

"Новая Элоиза". Для немецкой мещанской драмы, как и для ее зарубежных образцов, характерны мотивы защиты "прав сердца" против сословного неравенства, тема любви между представителями низшего и высшего сословий — та социальная коллизия, которая у Шиллера представлена с невиданными еще прямоотой, остротой и отвагой поистине героической. В Германии образец бюргерской трагедии дал Лессинг (1729–1781) своей драмой "Мисс Сара Сампсон".

К 80-м годам традиционными стали в этих драмах образы самоотверженно любящих простушек-героинь из бюргерской среды; образ честного, сурового, но горячо любящего отца; знатных и обольстительных соперниц, как Марвуд в "Мисс Сара Сампсон" и графиня Орсина в "Эмилии Галотти" Лессинга, Адельгейда в юношеской драме Гете "Гец фон Берлихинген" и графиня Амальди в "Немецком отце семейства" Геммингена, прямом подражании "Отцу семейства" Дидро.

Первоначально бюргерская, или мещанская, трагедия Шиллера носила название "Луиза Миллер", а "Коварство и любовь" — это название, которое ей дал Иффланд, тогдашний маннгеймский актер и драматург, ставший впоследствии знаменитостью немецкой сцены и видным драматургом.

Замысел "Коварства и любви" относится предположительно ко времени ареста вюртембергского полкового лекаря Шиллера за самовольную отлучку в Маннгейм (весна 1782 г.). После бегства из Вюртемберга Шиллер не смог сразу же приняться за работу над этой пьесой: помешала необходимость спешно переделывать "Заговор Фиеско", "республиканскую трагедию". А затем в работу над мещанской трагедией стали вторгаться замыслы трагедий "Мария Стюарт" и "Дон Карлос".

Закончил он "Коварство" в Бауербаче, маленьком поместье Генриетты фон Вольцоген (матери трех его товарищей по вюртембергской высшей Карловой школе), предоставившей ему у себя убежище. В сентябре 1783 года пьеса была принята к постановке Маннгеймским театром, а в апреле следующего года состоялась ее премьера.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

В печку всю ату пакость!.. — Выпад Миллера против того, что дочь зачитывается книгами, характерен для того времени; он восходит к Руссо, который был врагом беспочвенной книжной учености, особенно у женщин. А Луиза обнаруживает незаурядную начитанность. Ее слова в сцене третьей (акт I): "Когда мы, любуясь картиной, забываем о художнике, то для него это лучшая похвала" — цитата из "Эмилии Галотти" Лессинга. А слова: "Будь то фиалка и он бы на нее наступил..." — из баллады Гете "Фиалка". И другие реплики Луизы порой отзываются книгой.

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ВТОРАЯ

Вчера семь тысяч сынов нашей родины отправлены в Америку... — Речь идет о немецких солдатах, проданных Англии для подавления американского освободительного движения.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Я веду свой род от несчастного... Томаса Норфолька. — Томас Говард, четвертый герцог Норфольк (1536–1572), которого Мильфорд называет своим предком, был казнен по обвинению в заговоре в пользу шотландской королевы Марии Стюарт...и умирающие ученицы, извиваясь в судорогах, проклинали ненавистные имена своих учителей... — О девушках, изнасилованных или развращенных герцогом и его клеветами.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

...как наденут на нее железный ошейник... — Преступника приковывали к позорному столбу при помощи железного ошейника, выставив на всеобщее поругание.